

Мария Глобук



Пленокорные
небеса

Из цикла "Сказания Ардоса"

Мария Новик

Непокорные небеса.
Из цикла «Сказания Ардоса»

«Издательские решения»

Новик М.

Непокорные небеса. Из цикла «Сказания Ардоса» / М. Новик —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909047-8

Рабство с древности воцарилось в мире. Предательство и ложь правят балом. Смерть собирает дань каждый день, а с заходом Илсаяна на охоту выходят слуги Мрака. Но восставшие саимы не позволят Илсир Наречённой творить беззаконие. Их лидер, Аманкиль, обрушит непокорные небеса на голову Падшей.

ISBN 978-5-44-909047-8

© Новик М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. От судьбы не убежать	6
Глава 2. пытка	9
Глава 3. Печаль и радость	13
Глава 4. Её Величество Наука и Её святейшество Вера	18
Глава 5. Мудрость	23
Глава 6. Откровение	28
Глава 7. Переворот	33
Глава 8. Сила Семи	37
Глава 9. Союзники	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Непокорные небеса

Из цикла «Сказания Ардоса»

Мария Новик

© Мария Новик, 2018

ISBN 978-5-4490-9047-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. От судьбы не убежать

Ночь заполучила в свои крепкие и мрачные объятия столичный край. Звёзды мелкими драгоценными камнями усеивали тёмное полотно безоблачного неба. Тягучая тишина заполнила опустевшие улицы. Только слабый шум воды, бьющей из фонтана на площади Фенрит, разбавлял беззвучие. А вскоре и стук сапог о камень ненадолго прибавился к нему.

По ступеням, пробираясь украдкой и держась за руки, во тьме спускались двое арди. Страх сопровождал их, гнал прочь из Дворца Семи, ведь страшная участь нависала над головами грозной тучей. Бежать... Спрятаться, остаться самими собой, но не отдаваться на волю Великой Судьбе. Бежать...

– Лирис, скорее, – вполголоса, словно страхась самого воздуха, сказал юноша в тёмных одеждах.

Он подал руку девушке, помог спуститься со ступеней. Как только её босые ноги коснулись гладкого камня, которым уложена главная площадь, Дирияк крепко сжал ладонь Лирис, и они оба помчались прочь куда глаза глядят.

– Книга, Дирияк, – столь же тихо произнесла девушка. Она остановилась, высвободив руку из ладони парня и из-под полы коричневого плаща, расшитого ардийской символикой, достала завернутую в старую ткань Книгу. Атарра Наорэ... Единое Вселенское Знание, как называли его арди.

Изящными серебряными пальцами девушка медленно развернула тряпье. Свет залил прекрасное лицо Тени. Блики выписывали причудливые узоры, обложка божественного знания мерцала, словно драгоценный камень в лучах Илсаяна. Невиданной красоты книга ласковым шёпотом призывала раскрыть страницы и прочесть слова на древнем языке.

– Иррам¹, времени нет, – поторопил парень. Он выхватил книгу из рук любимой, завернул обратно в тряпье и сунул под плащ. – Как только ОНА поймёт, что мы покинули Вахтирай, тут же пошлёт саимов. Нужно уходить, Лирис. Нельзя позволить им разлучить нас.

Лирис только молча кивнула. Она нервно озиралась по сторонам, прислушиваясь даже к шуму ветра, пытаясь различить в принесённых им звуках голоса преследователей. Их не было. На миг она успокоилась. Выдохнула. В последний раз обвела взглядом величественный дворец Вахтирай. Магическое зрение помогло сделать картину яркой и запоминающейся. Под энергетическим куполом, который защищал здание от непогоды, замок с семью высокими шпилями выглядел великолепно. Щит мерцал разными цветами, создавая иллюзию невесомости.

– Прощай, – прошептала Лирис горько и улыбнулась, на миг воспроизведя в памяти счастливую жизнь. Не будет больше встреч с Вахди², такими суровыми и праведными, не будет богатых приёмов, не дадут они больше совета приходящим на поклон ардийцам. Лишь бегство, лишь страх впереди.

Бежать... Даже если трава колет ноги, а острые камни протыкают кожу. Спасаться... От Богини и её гнева, от саимов, от пророчества. Жить... Ради себя, ради друг друга. Ведь новая жизнь, что бьётся под сердцем, должна родиться и стать великим арди, который избавит мир от Илсир и её власти. Плохое предчувствие теревит душу, но не время поддаваться страху, не время преклонять колени перед одолевающей слабостью. Нужно спрятаться от взора давно падшей.

– Тирн! – возвестил Дирияк, спустившись быстро с пригорка. – Я видел ворота Тирна! Там живут праведные арди, там сможем спрятаться!

¹ Иррам (Oergram) – любимая

² Вахди (Va`hti) – Стихия

– А если не получится? – Сомнение поселилось внутри. Оно скреблось острыми когтями, прорезая путь наружу. Ладонь инстинктивно легла на чуть выпуклый животик.

«Только бы получилось», – думала Лирис. Слезы навернулись на глаза, как только ардийка представила, что случится с невинным дитя после разделения книги. Страшные думы прервал Дирияк. Он схватил девушку и потащил за собой. Оставалось только бежать.

Рассвет огненными всполохами окрасил небо в алый. Проснувшиеся после ночного сна птицы сорвались с деревьев и собрались в стаи, тревожно посвистывая в воздухе.

– Найти их! Вернуть! – яростный крик Илсир сотряс стены дворца. Женщина расправила белые крылья с твёрдыми перьями. Глаза угрожающе сверкнули золотом в рассветных лучах, что проникали через широкие окна.

– Мы обязательно их схватим, Святейшая, – дрогнувшим голосом оповестил саим с красными крыльями. Серебряное лицо с фиолетовыми глазами, прямым носом и выразительными губами, напряжённо поджатыми, потемнело и стало похоже на лунный камень, какие падают в самую звёздную ночь.

– Так почему ты ещё стоишь тут, мерзость?! – разъярилась богиня, топнув ногой. По каменному полу залы пошли трещины, раздался характерный хруст. – Они не должны избегать будущего! Пророчество будет исполнено! Оно свершится, как и предрёк Провидец!

Саим поклонился и быстро вышел из залы, оставив Илсир Наречённую, Хранительницу Семи, в одиночестве смотреть на пустой золотой постамент, на котором некогда лежала Атарра Наорэ.

Две тени, Лирис и Дирияк, оба ардийцы по рождению, были избраны Единным Вселенским Знанием в свои хранители. Они верой и правдой служили на благо народа, давали советы, как смертным, так и бессмертным. Но пришло время перемен, и Провидец не стал молчать о том, что Книгу должно разделить на две.

Ужас поселился в душах парня и девушки. Подобно тому, как сливались воедино тёмное и светлое начала в великом знании, так и Тени слились, полюбили друг друга. Не желали они расставаться, не желали исполнения пророчества.

«Я заполучу Книгу...» – думала Илсир. Глаза вспыхнули яростью. С невероятной силой, вложенной в кулак, она ударила по постаменту и тот раскололся на несколько частей. Металл прощально звякнул о каменный пол. Эхо вторило жалобному звону.

Шли осемья³. День и ночь сменялись на небосводе, словно в танце, кружась и замирая. Магия надёжно скрывала Теней от взора саимов и богини. Долгие месяцы, казавшиеся годичными циклами, теперь летели быстрее, чем самая быстрая птица.

Жители города Тирн с радостью приняли хранителей Атарра Наорэ у себя. Они не стали устраивать ни пышных празднеств, ни приветственных танцев. Следуя указам советчиков, что многие годы берегли Ардос от гибели, арди разместили Лирис и Дирияка в свободном доме. Накормили, напоили, выслушали, принесли новую одежду и дали обувь. О гостях на рынке не распространялись, с другими ардийцами беседы не вели на эту тему. Как только слышали про сбежавших Теней, старались как можно правдивее ужаснуться и высказаться, чтобы не навести на себя подозрения.

Но всему приходит конец. Лэор, так называют его арди. Небеса стыдливо краснели, приветствуя алое светило, восходившее на свой трон. Илсаян протягивал руки-лучи, окрашивая утренние облака в нежные цвета. Младенческий плач разнёс по городским улицам ветер, приветственно шумя и качая ветви тонкоствольных деревьев.

³ Осемье – ардийская неделя, состоящая из восьми дней.

Ослабшая после родов Лирис лежала на мягкой постели, тяжело дыша. Дирияк не отходил от неё ни на шаг, постоянно был рядом, не желая оставлять в одиночестве свою любимую. Даже сейчас держал за руку, поглаживая пальцем изящную серебряную кисть.

– Это мальчик, – раздался рядом голос повитухи, держащей на руках наспех замотанного в пелёнки младенца. Его большие золотые глаза с удивлением рассматривали старушку, которая мило улыбалась, а маленькие серебряные ручонки крепко сжимали палец пожилой ардийки. – Ты смотри, какой сильный, – воскликнула она, покачивая ребёнка.

– Дай мне его. – Из последних сил Лирис поднялась на кровати и протянула руки.

– Рано ещё, – сказала старуха. – Молоко не пришло, силы не восстановились. Потерпи до обедни, милая. А я отмою малыша от крови и намажу нежную кожу целебным маслом. Отдыхай. И не бойся, ничего с твоим сыном не случится.

– Аманкиль, – пролепетала девушка, ложась в постель. – Его зовут Аманкиль.

– Воин... – перевела женщина, ещё раз посмотрев на мальчика. – Достойное имя для любого мужчины.

Вдруг с улицы послышались крики и яростные возгласы. Лязг мечей дополнил обилие звуков, залетавших в дом.

– Нашли! Нас нашли! – обеспокоенно крикнул Дирияк, глядя в окно. Он принялся поднимать Лирис с постели, но девушка остановила возлюбленного, покачав головой и взглядом дав понять, что никуда не собирается уходить.

– Ребёнок. Они не должны найти ребёнка, – испуганно прошептала мать, поднявшись на кровати. Она в последний раз видела своего сына. В последний раз чувствовала его энергию, которая ещё не отделилась от её магической ауры.

– Ноним! Но-о-ним! – завопила старуха.

На зов примчался черноволосый арди с синими, словно бездна, глазами. Тёмный камзол окроплён голубыми каплями, блестящими на свету, широкие штаны в пятнах крови такого же цвета. Следом за мужчиной в дом влетела девушка с той же синевой на радужке, в платье небесного цвета.

– Саимы! Они убивают народ! Женщины, дети! Там творится безумие! – воскликнул Ноним, всплеснув руками.

– Знаю я, – сухо ответила старушка. – Пришло время терпеть лишения и встречать поклоном Смерть. Вот, возьми, – она бережно подала парню свёрток.

– Ина, ты не поняла, – пытался объяснить Ноним. – Город обречён! Саимы убивают невинных! Нужно спастись!

– Я никуда не пойду, – старуха села на кровать рядом с роженицей. – Пришло моё время. А вы – уходите. Защитите дитя, расскажите правду, когда настанет время говорить. Идите же! Ну! Скорее!

Лирис и Дирияк молча наблюдали, как Аманкиля уносят незнакомые арди. Родительские узы рвались, затрагивая души. Боль потери разливалась по телу огненной водой, выжигая дотла все надежды и чувства. Никогда они не увидят сына. Не увидят, как он растёт, не узнают, кем станет.

Но Тени знали, что случится после: пророчество будет исполнено, Атарра Наорэ, какой её знали арди, перестанет существовать, а Смерть заберёт обоих хранителей. Пусть не сейчас, но позже. Осознание конца пути уже поселилось в разуме.

«Прощай», – последняя мысль пронеслась в голове Лирис. Мгновение спустя входная дверь слетела с петель от сильного удара. Стук сапог приближал конец... В комнату, где были Лирис и Дирияк, вошли два саима с обнажёнными мечами, залитыми кровью невинных.

Глава 2. Пытка

Пытки... Нескончаемая боль сопровождает немислимые мучения. Раз за разом невидимый палач приходит и истязает, задавая один единственный вопрос: «*Ты скажешь правду?*» Ответа нет. Рот, словно заклеенный, не желает открываться. Из глотки лишь вырывается тихий недовольный рык, оповещающий палача о том, что желаемое не будет произнесено.

Пытки... Целых шесть годичных циклов понадобилось, чтобы поставить на колени Теней Атарра Наорэ. Их нашли. Заклинание сокрытия действовало так долго лишь потому, что щит подпитывала маленькая жизнь под сердцем Лирис. Она ставила заклинание, а энергетика малыша давала немислимое количество силы и магии. Но как только свершилось рождение, защита пала.

Младенца удалось спасти ценой десятков тысяч невинных жизней. Город заплатился за своеволие. Всех, до единого, жителей – женщин, детей, стариков и молодых крепких мужчин – постигла участь, страшнее которой на Ардосе не сыскать. А Тени... Их доставили во дворец.

Они держались гордо. Даже избитые и ослабленные, не преклонили они колен и не раскрыли рта. Илсир щедра на пытки. Но даже она была удивлена, какой волей и непоколебимостью обладают хранители Единого Вселенского Знания. Не действовало ничего. Пробовали выкручивать пальцы, резать тонкими лезвиями тело, пробивать суставы. Не помогло развязать язык даже то, что их сотни раз душили, топили, сжигали, а потом снова возвращали к жизни и повторяли нескончаемые истязания.

Но шло время. Великая Река, что не останавливаясь текла по просторам Вселенной, вбирая в свои потоки все события и явления, двигалась размеренно, по капле унося с собой надежду на лучшее. Ничто не вечно. Илсир сдастся, ослабит хватку, перестанет рьяно верить в непоколебимые устои... Нет. Не перестанет, не ослабит, не остановится. Никогда не успокоится, пока не свершится пророчество Провидца! Никогда!

Светило одаривало теплом и светом траву, деревья, город. Восседавая на своём троне, Илсаян ярко сиял на безоблачном небе, глядя на всё безразлично, выполняя возложенную на него миссию. Палящие лучи пробивались сквозь решётки в темнице. Сырой пол источал нестерпимый запах гнили и сырости. По углам, прячась от жарких палящих стрел, сидели замученные Лирис и Дирияк.

Оба смотрели друг на друга с сожалением. Столько времени они терпели мучения, столько раз говорили себе и палачам, что не сдадутся, не скажут заклинание, которое поможет разделить книгу на две... Но они сдались. Не выдержали тех пыток, которые уже изувечили тела; испугались тех, которые ещё предстоит пережить.

С пронзительным скрипом металла открылась дверь темницы. Внутри гордо вошли два саима. Краснокрылые арди, одетые в золотые жилеты и штаны, с фиолетовыми глазами, полными злости, и душами, полными слепой веры, замерли у входа, ожидая, когда пленники выйдут на свет.

Тени переглянулись. «*Вот и всё*», – промелькнула у каждого мысль. Оставалось только запомнить друг друга такими: любимыми, верными, сильными. И пусть они сдались, пусть пали ниц перед Судьбой, но приняли это достойно. Они чувствовали, как спускается воздух вокруг, как пришедшая в очередной раз Смерть низко поклонилась воле ардийцев и с благоговением удалилась восвояси.

Лирис и Дирияк встали. Тела сковало болью, которая тонкими иглами всё ещё продолжала пытать своих жертв. Но гордо выпрямив спины, расправив плечи, с надменным взглядом пошли они за своими пленителями.

До боли знакомые длинные коридоры с десятками решётчатых дверей. За каждой из них – страх, боль, отчаяние. Размеренные шаги, казалось, отбивают удары сердца. Совсем немного осталось до момента вечного одиночества и беспамятства. Дверь открывается, и аромат свежей зелени ударяет в нос, лёгкие заполняет чистый воздух, обжигая внутри. От яркого света не спрятаться, не отгородиться даже рукой. Тепло, словно раскалённый металл, опалает кожу.

На постаменте, отлитом заново, лежала та самая Книга, что стала причиной зверских испытаний. Она отвечала на прикосновение лучей приятным сиянием, сам Свет составлял обложку Единого Вселенского Знания. В последний раз арди видели и знали её такой. Отныне и навсегда, как думали многие, Атарра Наорэ перестанет существовать и породит новые силы, что будут править этим миром вечно.

Слова произносились медленно, приближая конец прежних устоев. Книга засияла, начав расслаиваться на две половины. Светлые волны растекались на левой стороне постаumenta, составляя манящий рисунок. А чёрный туман, сверкая красными всполохами, образовывал новую книгу на правой.

Былой любви и верности не стало. Тени читали заклинание, держась за руки, пытаясь сохранить хоть частичку друг друга. Но всё исчезло. Осталась только нерушимая связь, которая извратила души обоих арди.

Лирикс изменилась. Если раньше она была чуткой, нежной девушкой с золотыми глазами и сияющей улыбкой, то теперь стала подобием самой Смерти. Глаза почернели. Лицо посерело. Самая светлая и праведная арди из всех стала похожа на умирающую от неизлечимой болезни.

Изменился и Дирияк. Белое, переливающееся бликами, лицо не излучало ничего, кроме властности. Радужка сияла золотом так, что мало кто мог устоять перед этим блеском. Саимы преклоняли колени перед ним, не справляясь с собственным телом, остальные же покорно кидались под ноги, не желая ощутить предсмертный холод стали. Илсир сама с трудом смогла противостоять этой силе. Она наложила плотную повязку на глаза парню, чтобы избежать ужасных последствий.

Приказав развести по разные стороны света двух Теней, Хранительница Семи с восторгом смотрела на две книги, лежащие на золотом постаменте. Она жаждала прочесть каждую, чтобы стать всемогущей, ведь Атарра Наорэ не давалась Высшей. В последний раз крылатая арди обожгла руки и чуть не ослепла, когда прикоснулась к обложке Вселенского Знания. Она надеялась получить древнюю силу, овладев знаниями по отдельности. Но и здесь Илсир ошиблась.

Время неумолимо шло. Оно не пропускало ни одного события на своём пути. Но Великая Река не только забирала. Она приносила. В этот раз Вселенский поток одарил болью сердце юного арди. Он мучился от страшной пытки, которая истязала его сердце и душу.

Аманкиль рос сильным и крепким мальчиком. Ноним и Иромея давали ему свою любовь и заботу. Но сегодня лишь тревога поселилась внутри родителей.

Обедня прошла в суматохе. Впрочем, как и всегда. В крае Воды отдых и промедление могут стоять хорошего ужина. Поцеловав жену, что приготовила вкусный и сытный обед, наполнила горячим чаем, да ещё и собрала с собой еды и питья, мужчина стащил с чердака сети и собрался идти на реку, чтобы наловить свежей рыбы.

Для ужина можно просто опустить руку в водоросли, нащупать пару крепких кинов, вытащить и нанизать на прочную верёвку. Но через осемье исполнится шесть годичных циклов с тех пор, как супруги, до Тирнова побоища бывшие просто знакомцами, дали клятву у орхэм⁴, святого алтаря. И Ноним хотел подарить Иромее ожерелье из драгоценных камней. Но для

⁴ Орхэм – святой алтарь, у которого дают клятву верности супруги.

этого нужно наловить пять корзин рыбы. Скоро придут караваны из края Гор, и улов можно будет обменять на подарок.

– Оин⁵, я пойду с тобой, – сказал мальчик, весело вылезая из-за стола.

– Возьми его, – ласково посоветовала Иромея, убирая пустые тарелки и складывая их в большой чан с подогретой водой для мытья. – Он так хотел посмотреть, как ты ловишь рыбу. Всё утро не замолкал.

– Хорошо, Ами, сегодня будешь мне помощником, – подмигнул Ноним, сворачивая сети.

– Меня зовут Аманкиль! – топнул ножкой мальчуган, недовольно глядя на отца. – Мне уже шесть циклов, я уже взрослый!

– Еду и питьё не забудь, «взрослый»! – хохотнул добродушно ардиец. Он потрепал сына по голове, запуская пальцы в белые как снег волосы.

Малец сгрёб со стола надёжно укрытые непромокаемой белой тканью глубокие стеклянные чашки и, крепко держа всё это в руках, пошёл за отцом.

По дороге Ноним разговаривал со многими арди. С одними он обменивался приветствиями, с другими делился новостями, а третьи рассказывали ему вести из столичных земель. Они говорили о том, что наконец-то свершится пророчество, и Книга будет разделена на две. Лирис и Дирияка называли предателями, поносили почём зря. Мужчина кивал, не показывая своего недовольства. Он знал, что не было никого праведнее Теней... и не будет.

Полуденное солнце нещадно пекло. В лодке некуда спрятаться от палящих лучей Илсаяна. По берегам – ни деревца, а холодная вода не сильно помогала. Завязав на головах белую ткань, чтобы хоть как-то защититься от теплового удара, отец и сын ловили рыбу. Ноним кидал сети в воду, ждал некоторое время, а когда верёвка начинала тянуть вниз, поднимал сети, полные рыбы. Нужное количество уже было поймано, но планам на будущее помешала беда. Она подкралась внезапно и обняла своими изуродованными лапами, вонзив когти глубоко в душу.

Мальчик внезапно начал задыхаться. Он в панике хватал отца за рубаху, даже поднялся с места... и упал в реку.

– Аманкиль! – вскрикнул Ноним, выпустив верёвку из рук. Рыба – не главное. Жизнь сына, вот, что важно сейчас. Страх полыхнул в груди огнём, побуждая к действию.

Не раздумывая, мужчина нырнул в воду. Он успел схватить мальчика до того, как тот опустился глубоко в толщу воды и скрылся в густых красных водорослях. С трудом вынырнул, жадно глотнув воздух. Крепко рукой держа Аманкиля, он не чувствовал дыхания юного арди, грудь не вздымалась, но сердце ещё билось.

Вернувшись обратно в лодку, Ноним пару раз надавил на мальчишескую грудь рукой, пытаясь вытолкнуть воду из лёгких. Через несколько мгновений Аманкиль ненадолго пришёл в себя, зайдясь в сильном кашле. Он тяжело дышал, не мог произнести ни единого слова, а вскоре снова лишился чувств.

Ноним не стал доставать сети. Времени не было. Да и подарок будет ни к чему, если самый дорогой арди из всех погибнет, не успев познать этот мир. Схватив вёсла, мужчина начал рьяно грести к берегу, вкладывая все силы в каждое движение. Он не думал ни о чём, кроме здоровья Аманкиля. Мальчик лежал без сознания в лодке, его жизнь гасла подобно углям, медленно тлеющим в остатках костра.

Причалив к берегу, наспех привязав лодку, арди взял мальчика на руки и побежал по тропинке к дому. Ногой пнул дверь, отчего та оглушительно врезалась в стену.

– Святейший Иллахим! Ноним! – подскочила со стула Иромея, выронив полотенце из рук. Она следила за огнём в печи, собиралась готовить вечернюю трапезу. – Что случилось?! – испугалась она, увидев обмякшее тело Аманкиля на руках мужчины.

⁵ Оин (Ouainn) – отец.

– Готовь снадобье! Быстро! Нужен корень инмы и златоглавый сит! Времени нет! – дал указания ардиец и понёс мальчика в спальную комнату.

Ноним раздел Аманкиля и укутал в одеяло. Мальчика одолел сильный озноб. Мужчина понимал, что внезапное изменение состояния и удушье не могли появиться просто так. У всего есть причина. Даже если Илсаян взойдёт на противоположной стороне небес и опустится на месте восхода, то этому тоже найдётся объяснение.

«*Атарра Наорэ... Тени... Пророчество...*» – вспомнил арди разговоры с прохожими о разделении книги и пойманных хранителях. Он тут же кинул беспокойный взгляд на сына. Тревога ледяными иглами увечила душу, Ноним с содроганием смотрел на мальчика, медленно угасающего в своей постели. Приближалось время, когда нужно будет говорить правду. Оно неумолимо нависло над головами, сверкая острым мечом в тумане сомнения. Однажды Аманкиль задаст вопрос, который заставит пасть ниц. Однажды придётся раскрыть тайну, которая все эти годы надёжно охранялась в семье.

Глава 3. Печаль и радость

Печаль... Она частый гость во времена потерь и одиночества. Эта сторбившаяся от своей ноши старуха расхаживает по домам в период горестей и касается дланью души, заставляя съёживаться и причинять страдания владельцу. Слезы боли бегут по щекам от того, что Печаль коснулась самого сокровенного, после того, как самое дорогое уже отняла смерть.

Сегодня печаль пришла раньше срока. Но не оставила она своих жертв горевать и мучиться, а наблюдала, как немислимые страдания истязают души Нонима и Иромеи. В доме несколько ночей не потухали свечи. Слова молитв пропитали стены, но не помогли. Уже которую вечерю становясь на колени в углу, что смотрит на восток, женщина шептала со слезами на глазах. Переплела пальцы в мольбе, прижав к груди, закрыла глаза, из которых лилась боль, и говорила... говорила... Но ответом на призыв о помощи была тишина. Ни Вахди, ни Илсир или не слышали молитв, или не хотели слышать.

– Хватит, – произнёс тихо Ноним, сидя за столом. Он уставился взглядом на столешницу, сам не понимая, что искал на ней.

Иромея продолжала уповать на высшие силы, она, не останавливаясь, читала молитву. Искра надежды медленно угасала внутри, пожираемая холодом, который своей морщинистой серой дланью распространяла Печаль.

– Я сказал хватит! – разъярился мужчина. Он гневно ударил по столу кулаком.

Иромея вздрогнула и замерла, не в силах сказать ни слова. Продолжала стоять на коленях, сведя ладони вместе, но молитву читать прекратила.

– Не ответят они. Никто из них, – прошипел Ноним. – Хранители мира и порядка оставили нас гнить в пучине собственного бессилия. Они предали свой народ... Да будет проклят тот день, когда явились они в мир. Мерзость... – закончил он яростно.

– Ему нужно лечение. Хорошее. – Иромея поднялась с колен, утирая слёзы. – Я сделала снадобье, как ты говорил. Но оно лишь сняло удушье. Остальные симптомы не исчезли. Если не исцелить болезнь... – Женщина замерла, опасаясь говорить слова. В горле образовался комок. Он расширялся, и Иромея задыхалась. Слезы снова накатились на глаза, подбородок задрожал.

– Я поеду в Альрим, – отрезал Ноним. – Раз снадобье не действует, то только учёные мужи смогут помочь Аманкилю.

– Ты тронулся умом? – ардийка рухнула на скамью от неожиданности. Она смотрела на мужа полным удивления взглядом, не понимая, когда началось его сумасшествие. – В край Мудрости? Ты понимаешь, что будет, если в мальчике узнают сына Теней? Кровные узы держат его на Грани! Нас казнят, да и весь Лариим окажется под угрозой, если учёные мужи поймут, кто он!

– Уймись, – осадил мужчина жену. – До сих пор не узнали, ибо нет никому дела до мальчика. Цвет волос ему послала судьба, и каждый арди это понимает. Шесть годичных циклов прошло с тех пор, как мы скрылись из Тирна. Никто не хватился нас.

– Но вдруг...

– Я сказал, уймись. Я глава семьи. Это моё право. Право, которое я получил, победив тебя на ритуальном поле, – процедил Ноним, глядя в глаза своей иррам.

Женщина умолкла и опустила покорно взгляд. Она помнила, как рьяно сражалась на ритуальном поле за право быть главой семьи. Но острый клинок Нонима прорезал плечо, окропив лезвие кровью. Теперь долг её – подчиняться.

– Я отправлюсь сразу к брату, – продолжил говорить мужчина. – Надеюсь, кровные узы ещё что-то значат для него. Прошло два отлика⁶ с тех пор, как мы виделись в последний раз.

– Пошли весть о своём прибытии, его может не быть в Альриме, – посоветовала Иромея. – Не так давно ты рассказывал, что он ещё курсантом начал помогать в строительстве... Что он строит?

– В последней записке он говорил, что разрабатывал чертежи для какого-то корабля, – проговорил ардиец, пытаясь вспомнить тот день, когда в последний раз получал весточку от сэо⁷. – Нет времени отправлять послание.

– А если ты его не застанешь? – не сдавалась Иромея.

– Значит, обойдусь без него, – сурово сказал арди.

Он встал и глубоко вдохнул. Отгоняя неутраченную боль от предстоящей возможной потери, мужчина со слабой надеждой во взгляде посмотрел на супругу и направился в комнату, где отдыхал мальчик. Тихо открыв дверь, чтобы не потревожить слабый сон сына, Ноним вошёл.

Аманкиль лежал в постели, тяжело дыша. Пот градом стекал по серебряному лицу, озноб атаковал тело. Казалось, что сама Смерть ходила по комнате, словно жаждущий добычи хищник. Кружила, ожидая, когда жертва ослабнет настолько, что можно будет вырвать душу и отправить за Грань. Но дотронуться костлявая сборщица до мальчика не могла. Рано.

– Ами, – тихонько потряс за плечо отец. – Ньин⁸, ты меня слышишь? – спросил он с тревогой в голосе.

Юный арди едва смог открыть глаза. Жар мучил его, не желая отступить, а озноб помогал в пытке. Сны стали тревожными, и, когда отец разбудил, выдернув из очередного кошмара, малец был только рад. Мимолётная улыбка посетила лицо Аманкиля, а после исчезла.

– Что со мной? – сразу же спросил Ами.

– Скоро всё пройдёт, – обнадежил отец. – Но сначала нам нужно прогуляться. Готов совершить небольшое путешествие?

– Куда мы едем? – Малец приподнялся в кровати. – Оин?

– В Альрим, – выдавив улыбку, произнёс Ноним. Он откинул одеяло и бережно взял на руки мальчика, словно это драгоценность, какой не сыскать на всём Ардосе.

Ноним обмыл тело мальчика от пота. Тщательно обтёр, чтобы на теле не осталось воды. Сильная простуда только ухудшит и без того плохое состояние. Приготовленным Иромеей целебным маслом с ног до головы намазал Аманкиля, чтобы ветер был не страшен в поездке. Передел в чистую одежду – синюю рубаху из суймы⁹ и кожаный жилет, на ноги плотные обтягивающие штаны на завязках и полусапожки на маленьком каблукке – и собрал вещи на пару смен себе и сыну. Предстояла дорога в край Льда.

Альрим. Величественный край, построенный из металла и стекла. Колыбель науки, которая является одним из столпов, прочно держащих на себе Ардос. Совиное гнездо, как его называют сами афайимы – учёные мужи – стоит у подножия высокого горного хребта. Препграда из многовекового, старого, как мир, и невероятно прочного камня держит в заключении ледник Бридарив. Белая река, полирующая гору медленно, упорно продолжая наползать на стену, двигается с самого верха, не желая прекратить попытки остановиться и замереть, смирившись с неизбежной участью.

⁶ **Отлик** – ардийский век. Составляет 134 ардийских года.

⁷ **Сэо** (Saeoy) – брат.

⁸ **Ньин** (Njinn) – сын, ребёнок.

⁹ **Суйма** – плотная гладкая ткань с переливами. Бывает разных цветов и по виду напоминает земной атлас.

Но не только своим упорством славится ледник. Под горой, словно паутина гигантского мешриама, плетущего коварные нити, чтобы полакомиться свежей плотью добычи, протянулись сети тоннелей, ведущие к нескольким ангарам.

В одном из ангаров кипела работа. Металлическое подземное сооружение с высокими пандусами и надстроенными корпусами, в каждом из которых по несколько раз проверялось и настраивалось оборудование, просто гудело. Эхо голосов лихорадочно носилось по пространству, порой не поспевая вторить командам и возгласам.

А внизу... на огромной геомагнитной подушке, невидимой обычному глазу, стоял величественный космический корабль. Нос многопалубного ардийского сооружения был гладким и содержал в себе только техническую часть, касающуюся передачи данных: антенны межпространственной, подпространственной и внутрикорабельной связи. Мостик находился чуть выше и отгорожен плотным воздухонепроницаемым панорамным стеклом с датчиками голографического воспроизведения. Следуя по корпусу корабля – левый и правый борта оснащены пушками с кумулятивными зарядами, бластерными безоткатными пушками и ионными, которые прошли тестирование в невесомости на предмет одиночной и очерёдной стрельбы. С четырёх сторон находилось несколько генераторов защитного щита, чтобы во время прыжков в гиперпространстве не повреждалась обшивка звездолёта. В случае возможного нападения щит являлся своеобразной энергетической стеной, которая принимала на себя удар.

Но самое удивительное и сложное, что создали учёные мужи, – корма. Там находились двигатели. Досветовые стояли по бокам. Они представляли собой круглые сопла с воздуховодами и основными, а также резервными каналами подачи топлива и энергии. Маневровые прятались по корпусу, преимущественно по бокам и снизу, чтобы можно было выровнять корабль во время резких поворотов или облётов препятствий – например, космических камней, что окольцовывают звёздную систему. Главной жемчужиной являлись гипердвигатели.

Над гипердвигателями трудились несколько десятков годичных циклов сотни учёных мужей. Каждый раз при тестировании в лаборатории выявлялись какие-то недочёты, влиявшие на работу линейного движения энергии по генератору. Но после тысяч и тысяч попыток всё же удалось создать чудо инженерной мысли. Теперь оно лентой расположено по всей корме и подсвечено синим, подключено и готово к работе.

– Энергию на максимум! Запускайте основной двигатель! – скомандовал Бирион Миорасс в наушник. Он включил визор, коснувшись пальцем правой дужки компьютерных очков с единым стеклом. На стекле появились надписи, показания, таблицы и графики расчётов, подсвеченные жёлтым. Учёный муж просмотрел их одну за одной и проговорил: – Если всё верно, то в этот раз ангар разнести не должно. Лично я уже замучился восстанавливать заднюю стену. Думаю, вы тоже.

Кто-то из инженеров хихикнул в наушник, а потом – тишина.

Двигатель запустили. Сопло полыхнуло алым, и пламя принялось яростно плавить металл на стене позади корабля. Сначала из радиопередачи доносились сперва недовольные возгласы, а потом радостные и одобрительные – получилось. Энергетическая волна пришла в норму, и огонь ослаб.

– Включай магнитные и маневровые. Открыть верхние ворота ангара! – снова скомандовал арди.

Как только стал слышен скрип льда и скрежет камня о металл, Бирион сорвался с места. Он восхищался зрелищем, которое видел в ангаре. Серебристые холодные глаза улавливали каждое движение. Но мужчина хотел понаблюдать за вылетом первой ардийской стрелы с другого ракурса.

Бирион забежал в скоростной лифт и нажал кнопку. Металлическая просторная коробка быстро донесла пассажира до самого верха. Выскочив, едва открылись двери, мужчина понёсся по ступеням винтовой лестницы наверх, к люку. Он спотыкался, но продолжал бежать. Радость

от удачного запуска полыхала костром внутри. Счастье растекалось по венам, заставляя двигаться быстрее. В голове лишь одна мысль: «*Успеть*».

Повернув блокирующее колесо, мужчина распахнул люк и вылез на самый верх. Он застал торжественный вылет космического корабля класса «Стрела» из ангара. Медленно и плавно звездолёт поднимался вверх. Глухой гул магнитных двигателей закладывал уши. Но звуки не важны сейчас. Важно то, что находится перед глазами. Изобретение, целых два ардийских века строившееся под землёй, увидело свет, а теперь и выйдет на орбиту.

– Выводи досветовыми на околопланетную орбиту и проверь, как работает телепортационный луч, – очередная команда звучала больше как желание проверить возможности детища, нежели приказ о диагностике.

«*Принято, кор*¹⁰ *Бирион. Включаю гасители инерции, активирую щит на десять процентов. Всё работает как надо. График показывает стабильную подачу энергии. Пересылаю вам на визор. Проверьте*», – голос непрерывно вещал в наушнике.

– Подтверждаю, все расчёты верны, энергия стабильно подаётся на все участки щита. Гасители инерции работают без сбоев. Продолжайте, – сказал Бирион, проверив всё на визоре.

«*Прокладываю курс на околопланетную орбиту и активирую досветовые двигатели через ин, кай, нэи...*». – Воцарилась гнетущая тишина.

Корабль стал отклоняться назад, медленно задирая нос кверху. Яркие оранжевые точки двигателей, из которых струями вылетала плазма, плава ледник, стали ярче, и космическое судно начало подниматься, быстро ускоряясь. Через пару альрон¹¹ оно исчезло в небесах, а в наушнике раздался радостный оглушающий вопль: «*Вижу звёзды! Щит держит, системы работают! У нас получилось! Получилось!*»

Бирион не удержался от такой радости. Он закричал, подняв руки вверх, и подпрыгнул. Мужчина понял, что поступил опрометчиво, когда поскользнулся на ледяной корке и чуть не свалился в люк. Трагедии не случилось. Равновесие инженер сохранил.

– Пока не убился, спущусь вниз, – решил Бирион Миорасс. Он продолжал радоваться, но уже мысленно. Это победа. И она принадлежит не только ему. Вся команда, которая столько годичных циклов трудилась над первым космическим кораблём в истории Ардоса, тоже заслужила похвалы и... отдых.

Проведя пару часов за работой в ангаре, проверив все показания и записав их на твёрдых чертёжных листах аккуратными иероглифами, мужчина решил, что нужно немного развеяться. Он отложил грифельное перо, свернул все расчёты и уложил в тубу. Обвёл взглядом просторную комнату второго исследовательского корпуса и мечтательно вдохнул. Бирион выключил голографические экраны и осветительные лампы, закрыл дверь комнаты и ушёл. На сегодня его работа окончена.

Идя по мощёной улице, он принимал поздравления от проходящих мимо арди. Учёные мужи радовались успешному старту космического корабля. Теперь исследования выйдут на новые горизонты. И на главный вопрос «*Есть ли жизнь в другой части необъятной Вселенной?*» наконец, будет дан ответ.

– Бирион!

Мужчина остановился. Знакомый мужской голос позвал его. Среди прохожих, одетых в белые или серо-синие комбинезоны и прочую одежду, трудно было различить того, кто окликнул так приятно и радостно. Определённо узнаваемые нотки афайима, учёного мужа. Очередной арди хочет поздравить с успешно выполненной миссией? Или кто-то другой, из далёкого детства, дал о себе знать? Бирион поворачивался, высматривая в толпе хозяина голоса.

¹⁰ **Кор** (Kho`or) – капитан, руководитель.

¹¹ **Альрона** – ардийская минута

– Сэо! Бирион! – снова окликнул голос. Теперь учёный муж знал, кто его зовёт, кто вернулся на родину спустя два с лишним отлика. Брат. Волею Судьбы некогда дружные арди, близнецы по рождению, расстались после ритуала Йанри, который определил будущее каждого. Бирион, старший сын Ирили и Аитора, остался в Альрима и стал курсантом-инженером, дослужился до кора и добился величайших успехов. А младший – Ноним – отправился в Лариим, на противоположную часть материка.

Но теперь они встретились. Два брата, разлучённые временем и судьбой. Взгляд Бириона выцепил в толпе синеглазого парня, одетого в жилет, рубаху и штаны небесного цвета. Радость от встречи и предстоящей долгой беседы переполнила мужчину. Он рванулся с места и тут же заключил своего сэо в крепкие объятия.

Глава 4. Её Величество Наука и Её святейшество Вера

Гостеприимство. Что это? Порыв души, наполненный добротой и мудростью, или правила хорошего тона? Многие забыли ответ на этот вопрос, посчитав должным выполнять наказ Высших беспрекословно. И не задумывались арди, что значит слово ихса, в переводе с ардийского – гостеприимство.

Арди гостеприимны по своей природе. Несмотря на разлад и междоусобицы, ни один представитель достойной расы не посмеет грубо нарушить это правило, если нет исключений. Первое, что нужно сделать, как только пришёл гость, – омыть его ноги водой с лепестками ваны, ардийской алой розы. Гость – это посланник богов, чьим долгом является разбавление одиночества и разнообразия. А потому, чтобы обозначить конец пути, пришлому путнику обмывают стопы.

Второе правило – накормить. Не важно, как далека дорога. Пришёл незнакомец из дальних земель, проследовал через портал или явился знакомый проведать своего соседа из дома неподалёку. Обязательно нужно предложить гостю еды и воды. Если откажется путник разделить пищу с хозяином дома, то это считается оскорблением для всей семьи. А кровная вражда – ужасное и долговременное дело. Не смогут примириться враждующие стороны, пока арди не ответит за своё поведение.

За сытным обедом в семейном гостеприимном кругу обязаны хозяйева дома выслушать пришедшего, делится он горестями или радостями, скорбью или славными победами. Такова традиция. Пусть незнакомец выговорится, пусть опустошит свой разум, загруженный событиями и явлениями, какие видел и помнил. А после беседы дружеской гостя должно уложить спать. Готовит постель обязательно глава семьи – тот, кто получил право лидерства на ритуальном поле, победив будущего супруга в схватке.

А на утро, коли есть дела у пришедшего, он обсудит это либо со всей семьёй, либо с хозяином дома. В праве, после хорошего сна, путник, что путешествует из края в край, покинуть дом, приютивший его, и отправиться дальше, к своей цели. Хозяева выполнили долг, возложенный традицией, а гость ответил благодарностью, приняв предложение.

Бирион отворил дверь своего дома. Многокомнатное жилище учёного мужа располагалось на восьмом этаже величественного семиугольного здания, построенного из металла и стекла. Одного их многих таких, ведь Альрим является местом, где прогресс творит чудеса. Ноним озирался по сторонам, пытаясь понять, как именно удалось его братьям по разуму создать такой прочный металл и матовое стекло из полудрагоценного камня.

– Динла, у нас сегодня гости, – сказал Бирион Миорасс с порога.

Навстречу из-за угла вышла невысокая сереброкожая женщина в тёмно-серой одежде – лоснящейся кофте с рукавом три четверти и широких штанах, с виду напоминающих юбку. Она поклоном встретила мужчину и мальчика, затем взяла одной рукой руку мужа и накрыла его кисть своей ладонью.

– Пойду приготовлю розовую воду, – доброжелательно улыбнулась она и скрылась в соседней комнате.

Ноним сел на мягкий стул в коридоре. Мальчик разместился рядом. Бирион опустился на корточки и принялся развязывать шнуровку голенища сапог. Всё проделывалось в полной тишине.

Аманкиль был ещё мал, но понимание важности этого ритуала уже имел. Он, не смотря на своё состояние, не произнёс ни единого слова и не пожаловался на озноб и самочувствие. Он просто наблюдал, как учёный муж аккуратно развязывает шнуровку на голенище и снимает сапоги с маленьких ног.

Вскоре подросла Динла. Она поставила ёмкость с чуть порозовевшей водой, в которой плавали лепестки ваны, под ноги Нониму, а потом и юному арди. Бирион всё так же молча омыл ноги брату и его сыну. Только после этого пришло время разговора.

– Динла, познакомься, – мужчина встал сбоку и представляющим жестом руки указал на гостей, – это мой сэо, Ноним. И его сын...

– Аманкиль, – как можно увереннее сказал мальчик. Действие целебного масла начало проходить и состояние ухудшалось. Он пошатнулся, но был пойман надёжными руками Нонима.

– Что с ним? – тут же кинулась Динла, посмотрев мальчика. Она по призванию своему лекарь, а потому, если завидит что, тут же осматривает, чтобы выявить симптомы и излечить больного.

– Не так давно свалила хворь. Неожиданно стал задыхаться, упал с лодки, едва не захлебнулся, – тут же начал излагать Ноним. – Я наказал сделать снадобье и напоил им Аманкиля.

– Инма и златоглавка? – уточнила женщина.

– Да, – отрезал озёрный арди.

Бирион сразу понял, что должно сделать. Иногда традиции нужно нарушать. Ради блага хворого мальчика стоит пренебречь правилами и расстелить постель, дав юному арди немного отдохнуть и восстановить силы. Он подготовил кровать в свободной гостевой комнате и отнёс дуда мальчика, раздев и укрыв по шею пушистым одеялом. С Нонимом кор Миорасс продолжил беседу. Обязательство выслушать в случае с братом отодвигать на «потом» не следует. Два отлика мужчины не виделись с тех пор, как одного из них судьба увела так далеко от дома.

Подшло время обеда. Это время разговоров и воспоминаний. Довольно скоро домой вернулись вернулись Тирвон и Хирас. Мальчики быстро скинули сумки с плеч. Они заметили чужую обувь у порога и тихо прошли на просторную кухню. Сложив ладони вместе и согнув мизинцы, поклонились гостю в знак приветствия.

– Познакомься, Ноним, – представил Бирион садящихся по обе стороны стола юнцов. – Это мои сыновья. Тирвон и Хирас.

Мальчики поздоровались и переглянулись. Для златоглазых арди было странно, что гость похож на их отца. У Нонима тёмные волосы и синие, словно воды озера, глаза, он по-иному одет. Но сходство определённо угадывалось. Тот же высокий лоб, прямой нос, даже взгляды похожи – изучающие, суровые и холодные. Те же скулы, губы, овал лица. Даже телосложение угадывалось под одеждой.

– Златоглазые, – подметил гость, улыбнувшись. Он надломил хлеб и откусил. Только после этого хозяева начали обедать.

– Им нет и двенадцати циклов, только начали познавать мир через призму науки, – улыбнулся Бирион.

– А как же молитвы? Боевые навыки?

Бирион замер с ложкой у рта и несколько осуждающе посмотрел на брата.

– Мы не приветствуем подобные разговоры, – поддержала беседу Динла. – Пока вера несёт лишь зло и рабство, пока нет истинной цели у этой веры, пока не начнёт она лечить и учить понимать суть вещей, тех, которые перед глазами, наука – вот наша стезя. Пока что, – убедительным тоном проговорила ардийка, – она смогла помочь многим арди, в то время как вера смогла лишь погубить тех, кто свято верил и нёс знание.

– Тебя такие речи могут оскорбить, брат, – дополнил Бирион, положив ложку обратно в тарелку. – Но послушай истину, которую узнали мы, те, кто не чтит могущество Илсир. Есть добро, зло, и мы между ними, как маятник. Болтаемся туда-сюда. И ни до чего не можем достать. В равной степени получаем и добро, и зло с границ этой вселенной. Но мы, наша планета, всего лишь часть, как маятник – часть часового механизма. Если неаккуратно снять часы,

то эта часть остановится, замрёт на краю либо добра, либо зла. Мир захлебнётся кровью, если равновесие нарушится.

Илсир качает маятник, снимает и переводит часы, пытаясь делать всё «по совести», – язвительно процедил кор Бирион. – Но забывает она, что Время всегда возьмёт своё. Она отгоняет Тьму, спеша к Свету. Он слепит её взор и не видит она, что происходит. Не за горами час расплаты. Сколько не переводит стрелки, а закат это не остановит. Однажды от крыльев Хранительницы Семи останутся одни угли.

– Твои речи не оскорбительны для меня, сэо, – улыбнулся Ноним.

Он сказал искренне. Вера нужна арди, чтобы оставалась сиять надежда, но то, что творит Илсир... Этот ужас не поддаётся никакому объяснению, кроме одного – Богиня слепа. И остановить её может лишь праведный огонь.

– Что мы всё о насущном? – старший брат решил перевести тему разговора. – Мы столько не виделись. Два отлика уж минуло с той поры, как ритуал помазания определил твой путь.

– И этот путь привёл меня домой, – подытожил Ноним. – Я много где был, много чего повидал. Всё и не упомяну...

Беседа была долгой. Рассказ о жизни не терпит быстроты общения. Размеренность – вот, что сопровождает эти разговоры. Гость делился впечатлениями о прожитых днях, которые сменялись с каждым годичным циклом всё быстрее, пока не стали воспоминанием. Мир менялся, менялись и взгляды; осознание собственных ошибок становилось опытом, а победы радовали глаз и превращались в успехи, закреплённые в разуме как напоминание.

Но радости сменялись горестями, победы – поражениями, а вера – отчаянием. Рассказ о событиях в Тирне дался Нониму нелегко. Город, ставший домом, арди, праведные и честные, – всё стало прахом, который развеял во все стороны безучастный ветер. И новый поворот на жизненном пути, приведший в Альрим.

Не таясь рассказал лариимец брату истину о том, как стал отцом, и кем является Аманкиль на самом деле. Хворь, что свалила его, не была простой болезнью, каких с десятков переживал народ. Кровные узы держат мальчика на Грани, угрожая столкнуть в пропасть. Не испробовал он материнского молока, не знал своих настоящих родителей. Душа белокурого арди рвётся на части потому, что не успела отделиться она от духа Тени, а потому гибнет вместе с ней.

– ... я не мог иначе, – сдерживая слёзы боли, говорил Ноним. – Это невинное дитя не должно было попасть к Илсир. Одна мысль о том, что она сотворила бы с младенцем, не унеси мы его, долго не давала спать спокойно. Многие осемья мы ожидали расплаты, но она отсрочивала свой приход. Угроза не исчезла, но я надеюсь, что Аманкиль успеет возмужать и узнать правду, прежде чем нас настигнет карающая длань.

Бирион молчал. Он слушал с замиранием сердца историю своего сэо, внимал каждому слову, сравнивая сказанное с ощущениями чувствами и снами, что посещали его нередко. Не зря нутро рвалось на части, не зря боль навещала в трудные минуты – Ноним столько пережил, испытал... И теперь новая дорога, которой не видно конца. Быть может, она окончится скоро, а возможно – впереди вечность, полная жизни.

– Время близится к рассвету, Ноним. Засиделись, заговорились, – сказал афайим, встав из-за стола. – Пора бы отдохнуть. Постель твоя расстелена давно, о деле поговорим, как новый день настанет.

На том и разошлись. Сон быстро сморил Нонима. Стоило подняться из-за стола, зевота одолела, словно ждала, когда завершится беседа двух родных арди. А стоило голове коснуться мягкой подушки, глаза закрылись, и только размеренное дыхание слышалось из комнаты.

Утро алыми всполохами касалось стеклянных стен зданий, мощёных дорог, причудливых машин, что выезжали из гаражей и парковок – город оживал. Купол, что защищает Мельмерин

от свирепых бурь и ярких бликов, что отражают белые шапки гор и величественный ледник, потемнел, принимая на себя большую часть света. Огромный кристалл Альтрама медленно поворачивался вокруг своей оси, наполняя щит энергией.

В доме Бириона Миорасса царили тишина и благодать. Не нужно спешить в лаборатории, в больницы, не стоит торопиться с подъёмом. Блики отражались от стен, одаривая теплом пол и мебель. Только когда светило вскарабкалось по небосводу в зенит, заскрипели кровати и тихим звоном запели тарелки. Хозяйка готовили поздний завтрак для гостей.

Ноним открыл глаза. Белый потолок с осветительными кристаллами в голубоватой оправе наливался светом. Мужчина зевнул и потянулся в кровати, подмяв под себя одеяло. Тело наполнялось силой для новых дел. Истома ласкала разум и душу, не давала подняться с постели. Но как только своим визитом почтила тревога, арди подскочил и тут же кинулся к кровати Аманкиля.

Мальчик совсем ослаб. За сутки, что провёл в доме Бириона, ему стало только хуже. Серебряная кожа совсем поблекла, глаза впали, губы высохли и потрескались. Озноб прекратился, но жар стал очень сильным. Глаза потеряли цвет: некогда золотые, сияющие, теперь они лишь блестящими крапинками напоминали о былой яркости. Только серость скорой смерти читалась в мальчишеском взгляде.

– Бирион! – позвал Ноним брата. Тот незамедлительно отозвался и влетел в комнату.

– Что случилось? – спросил он с тревогой. Ответом стал болезненный вид мальчика, который уже отмечен дланью костлявой сборщицы душ. – Одевайся, сына собери и поехали с нами. В центре лечения помогут разорвать эту связь.

Без лишних слов арди принялся одеваться, как только Бирион исчез за дверью. Тяжёлые мысли сбивали с толку, не давали действовать собранно. Что, если не успеть? Что, если не получится разорвать кровную связь? Одни «Если...». Это угнетало. Мужчина метался по комнате, собирая Аманкиля. Он не знал, за что братья в первую очередь. Но умирил свою тревогу, подавил слабость и загнал отчаяние в клетку, не забыв запереть на замок уверенности.

Спустившись по лестнице на первый этаж и проследовав к гаражной постройке, Ноним был крайне удивлён. Перед ним стояла странная машина: продолговатый транспорт на четырёх колёсах, с несколькими дверьми, в которые вставлены стёкла. Словно живая, смотрела на него своими глазами-фарами, а решётка, через которую едва видно внутреннее строение этого странного агрегата, – подобие улыбки. Щелчок открывшейся двери вывел из забытья.

Бирион держал распахнутую дверцу за металлическую отполированную ручку, жестом приглашая поторопиться и сесть. Ноним взял мальчика на руки и сначала усадил его на сидения с махровой серо-синей обивкой. Потом разместился сам. Он не мог скрыть своего любопытства и гордости за то, как изменился край. Два отлика прошло с тех пор. Прогресс идёт широкими шагами, умы арди то и дело рождают новые идеи, а руки являют миру чудеса. Но отчаяние быстро оттеснило это состояние, обливая разум и душу раскалёнными водами, которые обжигали, заставляя нервничать.

Но неожиданно ярким пламенем внутри разгорелась надежда. Она заживляла раны, оставленные болью и отчаянием, расстилала красочные ковры из радости и успокоения. Учёные мужи обязательно помогут Аманкилю, теперь Ноним это знал. Он сделал верный выбор, не зря проделал этот путь. Мальчик выживет. И он, как надеялся арди, подарит веру в грядущее всему Ардосу.

Машина плавно двигалась по ровной тёмной серой дороге. В окнах мелькали здания, низкие деревья, изредка зеленью пестрели островки аккуратно скошенной травы. Город оживал, и работа кипела уже во многих его местах. Ноним наблюдал за всем синим взором. Он прижал Аманкиля к себе, погладив его по плечу.

«Всё будет хорошо, Ами. Всё будет хорошо», – подумал он, улыбнувшись и поцеловав мальчика в белокурую макушку.

Но не знал он, что юный арди обрёл. Не ведал о том, что мальчик с недавних пор мог слышать мысли.

Глава 5. Мудрость

Выбор... Решение... Роврэ... Одно слово, сказанное с чувством или равнодушно, задумчиво или брезгливо, но смысл всегда один. Сделать шаг навстречу будущему или остаться на месте, дав событию или проблеме проскочить мимо и остаться за спиной, нависая грузом сомнения.

За окном подходил к концу день, кристаллы, набиравшиеся светом и энергией, тускло сияли, становясь ярче, и начинали освещать вечерние улицы. Бирион сидел за столом на просторной кухне, сложив руки перед собой. Он думал. Мысли клубились в голове туманом, не давая сосредоточиться на чём-то одном, вопросы сыпались не прекращая. Со стороны казалось, что афайим даже не дышал. Он смотрел в одну точку, перебирая варианты. Ему предстояло сделать важное решение.

Корабль готов. Ирилия ожидала своего кора на орбите Ардоса, двигаясь по небосводу в ночи ярким продолговатым штрихом. Системы отлажены, телепорт, связь, камеры стазиса и управления настроены. Завершаются последние приготовления перед отбытием. Впереди – долгая дорога в никуда. К неизвестным мирам, звёздам понесёт ардийская стрела свой экипаж. Но что останется тут? Кто останется? Семья? Жизнь? Мир? Путь может занять стогодия, даже больше отлика... Что станет с женой, детьми, друзьями, когда звездолёт вернётся на Ардос?

Бирион понимал, на что соглашается и что на кону. Он взвешивал за и против, чтобы принять верное решение. Но примут ли выбор иррам и дети? Если останется мужчина дома, продолжит вести исследования – будет ли счастлив? Простит ли себе это? Никогда. Он не раз пожалеет о том, что не увидел звёзды, не узнал возможности корабля, не ощутил скорости и мощи, не побывал в мирах, неизвестных и странных.

Но если улетит? Что будет с Динлой? Тут же перед глазами предстал милый образ: белокурая среброкожая ардийка в свободной домашней одежде. Милые сердцу черты лица – ровные, изящные. Глаза цвета полированного металла, золотой зрачок, мерцающий синим во тьме. Афайимы отлично видят в вечернее время суток, в сумраке находят путь даже без сияющих кристаллов. Но Динла... она родилась в лесах Триатрона. Леры могут ориентироваться во мраке, охотясь на дичь. И до ритуала Йанри, который погнал её прочь от родных краёв, определив судьбу, женщина была лером, видела бескрайние леса, величественные деревья-города, причудливых животных. Обладая даром целительства, женщина быстро приспособилась к жизни в холодном Альриме, где лишь купол отделяет от опасных лавин, буйных ветров и беспощадного яркого света. Кругом скудная растительность и однотонность цветов.

Тирвон и Хирас. Златоглазые юнцы, которым ещё предстоит определить свой путь навстречу будущему. Что с ними? Увидит ли их ещё Бирион? Застанет ли дома? Побывает ли на брачном ритуале? Или обнимет в последний раз и оставит в их памяти лишь свой образ, покинув на многие отлики. Арди живут долго, но вдруг обстоятельства встанут стеной по дороге домой? Случится поломка, авария... и? Бесследно исчезнувший отец и супруг – вот кем станет афайим для своей семьи. В космосе время замирает, на Ардосе могут пройти тысячи отликов, не позволит Вечность столько ждать. Отправит и мать, и детей за Грань.

Мужчина тяжело вздохнул и запустил серебристые пальцы в белые волосы. Он не знал, что выбрать. Долгие два отлика он конструировал Ирилию, каждый изгиб её знаком, каждый болт. Всё, до крупницы – родное и сделано своими руками. Чертежи, макет – ни единого штриха не было упущено. Ещё курсантом он начал собирать звездолёт, и теперь работа над величественным космическим судном исследовательского назначения закончена. Но впереди другая...

Раздумья прервал звук открывающейся двери. Тихие шаги по коридору донеслись до слуха Бириона. На кухню прошла Динла. Усталость читалась на лице, взгляд серебристых глаз осмотрел комнату с неохотой.

- Светлого дня, иррам, – доброжелательно сказал мужчина, подняв лицо на супругу.
- Светлого дня.

Динла плюхнулась на мягкий кожаный стул с высокой спинкой и отклонилась назад. Никаких мыслей нет, кроме тех, что о работе. Сегодня, как всегда, в центре лечения было много народа. Планёрка, обследования, перерыв, обход, тестирование нового препарата и его доработка, снова планёрка, штатный приём больных и... дорога домой. Женщина любила своё дело, как и все арди, что населяют этот мир. Но от этого усталость не становится меньше и не пропадает вовсе. Хотя... это приятная усталость. Желания помогать, лечить, делать мир чуть лучше – радовали Динлу.

Но недоумение и страх поселились в душе, когда она увидела Бириона. Он сидел, сторбившись, запустив пальцы в волосы. Тяжёлые думы рождались в голове его и не давали покоя. Утром он сообщил о начале подготовки к масштабному исследованию космоса и с тех пор не покидал жилища.

«*Даже не ел*», – обречённо подумала ардийка, посмотрев за спину супругу. Посуды на плите не было, холодильные полки нетронуты – через прозрачную дверцу видно, что ёмкости с едой стоят так, как стояли.

– Скоро придут дети. Я разогрею ужин, пора бы и вечерять, – что было сил улыбнулась женщина и собиралась подняться из-за стола. Но ладонь Бириона легла на пальцы Динлы, заставив снова сесть на стул.

– Я... мне надо поговорить с тобой, – начал афайим, с грустью посмотрев на супругу. Слова не желали вылетать изо рта, в горле обрадовался комок, затрудняя дыхание. Мысли роем кружились в голове, впиваясь своими жалами в подкорку. Но этот разговор должен состояться. Иначе никак. Порой одному сложно сделать выбор. Но вдвоём его совершать не легче.

– Я слушаю тебя, иррам, – проговорила ардийка, стараясь не показывать напряжённость в голосе. Хотя она понимала, что ничего от супруга утаить не сможет. Никогда не могла.

– Не могу скрывать то, что на душе, – словно намеренно отстраняясь от темы разговора, медлил учёный муж. – Но это должно быть сказано. Не знаю, как поступить, Динла. Меня это тревожит.

– Тырываешься между семьёй и своими желаниями? – женщина знала, в чём проблема. Это читалось на серебряном лице её мужа.

- Да, – отрезал Бирион дрогнувшим голосом.

– Не мучь себя думами, – посоветовала супруга. Она ободряюще улыбнулась и взяла ладонь Бириона в свою. – Если вопрос так сильно тревожит, а чаши весов одинаково полны и грозят обрушиться на тебя лавиной сожалений, обратись за советом к Вахди. Мудрая Ильна не раз спасала браки от распада, а умы от прозябания.

– Я не хотел бы свои проблемы перекладывать на плечи Мудрейшей, – вздохнул арди. – У Мысли Иллахима хватает забот и без жалоб простых учёных мужей.

– А что станет с тобой, если ты выберешь неверный путь? Улетишь – пожалеешь, останешься – пожалеешь.

Бирион лишь понуро опустил голову. Его жена мудра. Но мудрости этой мало, чтобы узреть истину. Нужен совет со стороны. И выбор справедливо и ожидаемо пал на Вахди Льда.

– Попроси Торай отвести тебя в храм Мудрости, где обитает Ильна, – продолжала Динла. – Спроси у неё совета, расскажи о своих тревогах. Иди с рассветом, не обременяй сомнениями голову, не думай, не гадай, как сегодня. Положись на свою покровительницу. Я верю, что она поможет тебе преодолеть эту стену.

– Ты права, иррам, – выдохнул облегчённо Бирион. Сегодня он откинет мысли подальше, сомнения уничтожит. Отужинает с семьёй и выспится, как следует, а с рассветом отправится на окраину города, к Вахди за советом.

Звук отворившейся двери и весёлый смех сыновей окончательно вырвали из раздумий. Тирвон и Хирас вернулись домой.

Рассветные лучи окрасили защитный купол Мельмерина в охряный цвет. Щит сиял, блики волнами падали на дорогу, растекаясь по отточенному камню золотом. Сегодня город не такой, как прежде. Так казалось Бириону. Он рассматривал каждое здание, каждый осветительный столб и кристалл на нём.

Мужчина находился в машине, прощально глядя в окошко. За рулём сидел Торай Льда – широкоплечий короткостриженный молодой человек со стальным взглядом и бровями вразлёт. Татуировка атома на щеке сияла голубоватым светом, будто внутри пульсировала первородная энергия. Когда транспорт оказался за чертой города, водитель активировал мини-купол, нажав пару кнопок на панели. На ледяных пустошах бушевала выюга. Она кружила острые льдинки и снег в неистовом танце, закручивая лихие воронки.

Мысли спутались. Казалось, что этот клубок не размотать никогда – так всё смешалось воедино. Ожидания могли не оправдаться. Что если Вахди откажет или поставит перед фактом? Как быть? Приказ улетать и исполнять свой долг уже звучал в голове, разрывая разум на части. Сожаление начало просачиваться в душу тоненькой струйкой, обдавая каждый уголок ардийского нутра ядовитым холодом.

Бирион не заметил, как машина подъехала к величественному семиугольному храму с колоннами. Тёмно-серый цвет контрастировал с белизной полярного пейзажа, но всё равно выюга плотной ширмой кружащегося снега закрывала обзор, не давая насладиться красотой древнего здания.

Мужчины прошли внутрь и стряхнули с себя налетевший снег. Афайим огляделся. Внешняя неприглядная красота являлась только вершиной айсберга. Внутри убранство поистине величественное. Стены покрыты золотом, на них оттисками виднелись иероглифы на древнеардийском. Широкие колонны держали на себе мощный стеклянный свод. На каждой из колонн – осветительные кристаллы, которые ярко сияют. Света извне почти не бывает, но яркие гирлянды продолжали дарить своё тепло и свечение.

У дальней стены расположена трёхметровая статуя Ильны. Женщина с короткими волосами и уложенной набок чёлкой стояла, облачённая в каменное, вырезанное с невообразимой точностью, платье в пол. Рука Вахди изящно вытянута, на раскрытой ладони женщина держала трёхмерную модель атома. Он словно живой: орбиты электронов вращались, не задевая друг друга. Круглая объёмная конструкция была идеальным дополнением к великолепно выполненной статуе Мысли Иллахима.

– Вахди ждёт, – оповестил Торай, глядя в пустоту отрешённым взглядом. Он немного постоял, а затем быстро направился к изваянию. Стихийный маг зашёл за статую и плавным нажатием на несколько символов открыл потайную дверь.

Тёмные коридоры мужчины миновали быстро. Гладкие стены теперь не были усеяны символами; кругом мрак. Только сияние на ладони Торай Льда освещало путь в катакомбах. Былое убранство осталось позади.

Наконец, Бирион увидел обитель Вахди. Не было искусно вырезанных столов, расписных стен и красочных потолков. Всё однообразно и расставлено оптимально на полках, крепко соединённых к стенам... льдом. Лаборатория Ильны содержала массу оборудования. Стихия неустанно трудилась, использовала знания для проведения исследований. В одежде – такая же строгость и практичность. Никаких пышных платьев, обуви на каблуках и прочей красоты,

которая требуется исключительно на балах и торжественных приёмах. Только расчёт и удобство: комбинезон на молнии, перчатки и маска, закрывающая рот и нос от воздействия опасных веществ.

«Она такая же, как та статуя, только живая и более прекрасная», – с восхищением думал Бирион Миорасс, разглядывая свою покровительницу, Великую Мысль Иллахима. Много раз он видел Вахди издали, слышал о её красоте и мудрости, но ни разу не встречался лично. Теперь время пришло.

– Я знаю о твоей беде. Вижу твои сомнения, – не отрываясь от работы с реагентами, сказала Вахди Льда. – Нейнон, оставь нас одних, – попросила женщина своего Торай. Тот почтительно склонил голову и исчез в тёмном коридоре.

– Пришёл я спросить у Вас совета, о Великая, – начал торжественно Бирион, но Вахди остановила его, вскинув повелительно руку. Мужчина тут же замолчал. Страх разлился внутри и моментально превратился в сковывающий душу лёд.

– Без официальности, прошу, – сказала Ильна. – Не терплю этих прелюдий. Обращайся ко мне просто, как обращаешься к своим соратникам. Я не величественнее, чем они.

– Вахди, – голос афайима дрогнул, – я пришёл просить совета. Сомнения меня терзают вот уже второй день. Я... передо мной встал выбор: как поступить? Ирилия готова к отбытию, остались последние приготовления. Но не могу я улететь, зная, что семья моя останется здесь. И не отправиться в путешествие не могу. Это всё для меня.

Ильна выслушала Бириона. Всё коротко и понятно. Учёные мужи не могут противостоять высшей магии, а потому Вахди без труда читала мысли мужчины. Она видела все его мучительные сомнения. Видела радость, с которой делал он корабль, руководя афайимами. Каждый уголок разума был исследован Стихией без особого труда. Нашлись там и любовь, и печаль, и забота.

– Знаю я, что вам на Ирилию нужен лекарь, – нарушила молчание женщина. – Никого пока не нашли твои соратники. Все, кто проходил предполётную подготовку, не годятся для этой работы. Слишком низкий коэффициент устойчивости к болезням. Космос – опасное место.

– Да, Вахди. Нет пока у нас такого арди, – горько подытожил Бирион, опустив голову.

– Ты не можешь оставить семью здесь, на Ардосе. Но и остаться сам не в силах. Любишь ты и супругу, и детей, но меж тем и призвание тебе дорого. Так совмести же одно с другим.

Бирион не понимал ответа Ильны. Совет она дала, только как толковать слова, сказанные ею. Сомнение продолжало клубиться серой дымкой внутри.

– Возьми жену на Ирилию лекарем, – пояснила Стихия. – Она – лер. И всегда им будет. Подопечные моего брата не теряют своего дара и мастерства, даже когда Судьба уводит их далеко от дома. Врачевание у Динлы в крови. Она выдержит все испытания. Что касается детей... Слышала я, что Тирвон и Хирас довольно умело справляются в лабораториях с практикой, даже смастерили механическую игрушку.

– Да. Новости об их проделках облетели весь край, – с досадой проговорил мужчина. – Они напугали преподавателя этим механическим мешприамом. Он второе осемье заикается, не может вести занятия.

– Не важно, – остановила Вахди. – Их умения крайне высоки. А детские шалости... кто не был ребёнком? – улыбнулась она. – Твои сыновья останутся афайимами. Я позабочусь об этом. Их талант должен взращиваться, как семена священного дерева. Нейнон распорядится, чтобы мальчиков и их наставника перевели на ардийскую стрелу. Отныне практика их будет проходить там.

Учёный муж засиял от радости. Он понял, что сказала Мысль Иллахима. Но, очевидность решения медленно сдавливала разум, заставляя думать о себе скверно.

«Как я сразу не догадался? Недальновидный глупец!» – корил себя Бирион. Улыбка не сходила с лица, но наполнена она грустью.

– Не нужно себя попрекать. – Ильна поставила колбы на стол и наконец повернулась к Бириону. Она чувствовала его страдания. Ещё бы. Банальность слов сильно давила, заставляя сгибаться в три погибели. – Иногда выбор – это лабиринт. Ты помнишь маршрут, идёшь по нему, но обязательно свернёшь не туда и заблудишься. Всего-то нужно вернуться назад тем же путём и проследовать по правильному коридору. Но порой на это решение уходит половина жизни. И очевидный выход из положения появляется только после того, как проясняется затуманенный разум. Беда лишь в том, что иногда он проясняется слишком поздно. – Вахди снова занялась своим делом, взглядом следя за каждым действием ловких рук.

Словно по приказу, в нужный момент в лабораторию вошёл Нейнон. Это означало, что беседа окончена и пора уходить. Бирион встал, почтительно поклонился и собирался поблагодарить Мудрейшую за совет. Но Ильна снова вскинула руку, давая понять, что молчание – драгоценность, которую нельзя разбивать молотком из нелепых слов.

С лёгким сердцем мужчина вернулся домой. Распоряжения Вахди были выполнены Стихийным магом беспрекословно и точно в срок. Тем же вечером Динла сообщила, что ей выдали в центре лечения выдали положительную рекомендацию для службы на Ирили. А позже – сыновья вернулись домой. Глаза их отныне не золотые – серые.

Глава 6. Откровение

Илсаян ярко сиял, одаривая теплом и светом священное озеро-море Анкам. Его чистые синие воды блестели в золотых лучах, переливаясь бликами. Птицы напевали свои трели, сидя на ветвях величественных толстоствольных акаров, листья которых яркой зеленью контрастировали с тёмно-коричневой грубой корой.

Ноним причалил к берегу. Аорин упёрся носом в невысокий обрыв и качнулся. Мужчина быстро вылез, верёвкой крепко привязал лодку к столбику, торчащему из земли, и отправился в храм Воды.

Внезапное чувство преследования заставило обернуться. Ардиец оглядел местность вокруг. Он пристально всматривался в каждый куст. Ощущение, что за ним наблюдают, не покидало ни на миг. Мысли никто не читал, ментальный блок такой силы даже Илсир не сможет преодолеть. Она давно растеряла былую мощь. Только корысть и ярость остались, они двигают ею, затмевая взор. Убедившись, что никого нет, мужчина продолжил идти. На входе он встретил нескольких лариимцев, которые приходили воздать почести Ладии, Вахди Воды. Учтиво пожелал светлого дня, дежурно улыбнувшись, придержал дверь, пока пожилые арди выйдут из здания.

Внутреннее убранство храма было неброским, но успокаивающим и милым. Умиротворяющую атмосферу в просторном каменном зале создавали звуки воды: у самых стен, отгороженные бортиками, располагались бассейны. Снизу били маленькие, но сильные ключи. Блики от журчащих вод отражались на стенах, создавая ощущение волн. В храме никого не было. Обеденная молитва закончилась. Осмотревшись по сторонам, Ноним ещё раз убедился, что за ним никто не наблюдает. Опасно снимать морок при посторонних. Многие его знали как рыбака Нонима Миорасса. И развенчивать этот миф мужчина не собирался.

Арди прошёл за статую Ладии и вдавил один из камней кладки внутрь. Рядом синие кирпичи, покрытые золотом, начали расходиться, открывая взору потайной проход. За мгновение до того, как двери храма распахнулись и внутрь вошли молящиеся, Ноним проскочил внутрь, и стена снова стала целой.

На стенах загорелись факелы, прогоняя мрак. Арди привалился к стене, облегчённо выдохнув. Синие глаза изменили цвет на зелёный с золотым продолговатым зрачком. Драконий рык вырвался из груди и растворился в пустом коридоре. Мужчина потянулся пальцами к лицу, он стащил его с себя, словно маску, и скинул на пол. Не успев коснуться камня, морок рассеялся, лишь зеленоватые искры разлетелись в стороны.

Теперь у стены стоял Вахди Воздуха. Аарис Первородный, Первенец Иллахима. Длинные тёмные волосы разметались по плечам; высокий лоб, крылатые густые брови, глаза с драконьим прищуром, яркой зеленью сиявшие в полутьме, точёные скулы. Одежда тоже изменилась. Раньше была рубашка из гладкой синей ткани, поверх неё плотный жилет на жемчужных пуговицах, обтягивающие штаны на завязках, заправленные в высокие сапоги с голенищем до колена, на шнуровке. Теперь же – свободная рубаха с вышитой ардийской символикой на рукавах и вороте, а также гербом на груди, выполненном в виде распустившего крылья дракона, что стоял на задних лапах, передними держа за рукоять прямой меч, находящийся остриём вниз. Она прихвачена поясом из выделанной змеиной кожи. Пояс завязан сбоку на широкий узел, вниз опускались концы с прикрепленными драконьими шипами, они терлись друг о друга при ходьбе владельца, потрескивая. Низ – широкие штаны с узкой обтягивающей талией и полузакрытые тапочки бледно-зелёного цвета.

Аарис быстро миновал коридор и спустился по каменной винтовой лестнице. Храмерийцы, которые охраняли вход в залу с подземным озером и Провидцем, насторожились, стоило услышать тихие шаги. Они закрыли собой спуск и угрожающе выставили длинные копыта

вперёд. Но как только увидели Вахди, тут же вытянулись по струнке, приставив оружие к себе и прижав плотнее зеркальные щиты. Дракон, не обращая никакого внимания на солдат, гордо прошёл в залу.

Ладия купалась в чистых водах, омывая тело, длинные чёрные волосы с жемчужным переливом разметались в стороны, серебряное тело, усеянное татуировками на древнем языке, сияло, мерцающая голубоватым светом.

– Айна илиа *«Светлого дня»*, – поприветствовал Аарис сестру, привлекая к себе внимание. Он не заметил, что одежда её лежала у дальней стены.

– Айнара *«Светлейшего»*, – ответила доброжелательно Ладия и поднялась из воды, открывая взору обнажённое тело.

– Элхи пуру! Ниами део! *«Высшие силы! Оденься!»* – Дракон тут же отвернулся, принявшись настойчивым взглядом сверлить стену. Он услышал всплески воды, а после медленные шаги.

Прошептав пару ругательств на древнем, Аарис на мгновение закрыл глаза. Сестра несколько не стеснялась посторонних взглядов. Охрана ли это, или же брат пришёл навестить. Если Ладия была обнажена полностью, то представляла во всей красе, демонстрируя свою раскованность.

– Кине то пора ат форхэтэй лито и Кхэрэм ияр *«Иногда ты напоминаешь мне Керем»*, – произнёс с нотками иронии Аарис. Он с досадой вздохнул. Желание повернуться усиливалось. Но он стерпел, не желал смотреть на обнажённую сестру.

– Ярми фру`дэ ссахрэниай? *«Я такая же неуправляемая?»* – шутливо отозвалась Ладия.

Она надела длинное голубое платье, опоясав талию белой лентой. Широкие рукава одежды с прорезями чуть выше локтя были украшены причудливой вышивкой. Мокрые волосы свисали до самого пояса, с них перестала капать вода, но они не высохли. Не обладала Вахди даром нагревать своё тело, как её сестра, Феникс.

Аарис продолжал стоять спиной. Женщина улыбнулась и направилась к брату. Она нежно коснулась плеч мужчины, потянув слегка на себя. Вахди повернулся к сестре, одарив порицающим взглядом.

– Ат фру`дэ миаран кюн *«Ты такая же развязная»*, – проговорил с укором Дракон. – Мос лео вин бо`оа Оин-Эллахэм хора муоллири бэрроса *«Не этого хотел Отец, когда создавал нас»*, – колко продолжил Вахди Воздуха.

– Хассрай! *«Хватит!»* – простонала женщина, закатив глаза. Ей не впервой слышать такие речи от брата. Каждый раз он приходит и говорит подобные слова, читает морали о чести и праведности. Отчасти Ладия понимала, почему стала объектом нравоучений Первородного, но не хотела принимать эти доводы. – Имони браста персой имо э`мор!? Лэ аги хо`ам минуру гуйтаси бор су? *«Сколько можно говорить об этом!? Или тебе нечем заняться?»*

Аарис пристально смотрел в глаза Ладии. Синий омут затягивал в себя. Эта непорочность, что показывает Вахди всем ардийцам, она напускная. Разглядел Дракон желание и похоть внутри сестры и... одиночество. Оно заполняло душу, вытесняя искренность и праведность далеко за пределы сущности. Вот уже вечность минула, а у дочери Иллахима нет до сих пор Навадай, спутника жизни.

– Э зорта! Ярми ворсо хора харид! *«Воины! Оставьте нас!»* – рявкнул мужчина на охрану грота. Но стража не сдвинулась с места. Не понимали солдаты языка древних. И Вахди это запомнил.

– Пошли вон! Живо! – скомандовала Ладия. Воины Храмерии вытянулись по струнке, пристукнули сапогом и быстро покинули грот. Их шаги ещё несколько мгновений эхом доносились до слуха Стихий.

Теперь можно расслабиться и говорить спокойно, не опасаясь лишних ушей. С недавних пор для всех Детей Иллахима тишина – величайшее оружие, которое они используют против Илсир.

Разделение Книги не прошло бесследно. Илсир совершила страшное – обрекла невинных на смерть. Лирис и Дирияк были чисты. Они просто не хотели расставаться. И за преданность, любовь и искренность понесли наказание. Пытки только подготавливали тела и души к ужасной участи. Вечная ненависть поселилась внутри, изувечив двоих влюблённых.

Смерть настигла парня и девушку одновременно. Их, во избежание последствий, отправили по разные стороны света. Но судьба распорядилась жизнями иначе. Пару дней назад на рассвете случилось непоправимое – Тени убили друг друга. Их нашли в поле. Они лежали, обнявшись в последний раз. Связь Немьерси не позволила расстаться и забыть. В руке у каждого покойного были кинжалы, ими они пронзили прежде любящие сердца, положив конец мучениям. Хранителей Атаран Руррис и Атаран Турвад не стало.

Равновесие нарушилось. Только теперь Вахди поняли, что натворили. Кого поставили во главе себя. Не реинкарнацию создателя, не справедливого владыку и сильного воина. Монстра. Убийцу. Зло. Стихии не могли осознать своих ошибок даже после того, как Ясара, хранительница Единого Вселенского знания, покинула их и канула в небытие. Но сейчас, когда мир оказался на краю пропасти... они воспротивились воле высшей и решили действовать по своему.

С того самого момента, как Ладия увидела, что сотворят саимы по приказу Илсир в Тирне, праведном городе, что находился в крае Воды, Вахди попросила Аариса вмешаться. Не должно невинное дитя страдать из-за слепо верующей крылатой ардийки.

И Аарис вмешался. Под мороком невидимости пробрался он в город следом за краснокрылыми воинами и перевоплотился в смертного. В Нонима. Парень умирал от страшных ран, нанесённых саимским клинком. Успел Аарис уничтожить тело, превратив в пепел, прежде чем Иромея, знакомая лариимского рыбака, не увидела его. Вахди чуть не попался, но план сработал. Удалось спасти мальчика. Сам же город был уничтожен. Нет его на карте отныне. И не будет. История запомнит сие ужасное событие, как Тирново побоище... Навеки...

Память Нонима при перевоплощении передалась Аарису. Он мудр. Знал, как распорядиться ею грамотно и осторожно. Мужчина пошёл на великие жертвы, чтобы сохранить истинный облик в тайне. Не действовал безрассудно, почти не использовал магию.

– Так не может продолжаться, сестра. Аманкиль растёт, – вздохнул устало Аарис, взяв за плечи Ладия.

– Мы не можем бросить его сейчас, – настаивала женщина. – Иромея не справится. Не сможет. Мальчик силён. Он станет саимом, Око уже предвидело его будущее.

– Нельзя, чтобы Илсир узнала про него! – взволнованно сказал Дракон. – Если он будет служить под её началом, то непременно падёт от клинка за родство с Тенями!

– Не позволено вмешиваться в будущее, – с досадой проговорила Ладия. – Мы рискуем уничтожить всё, чего добивались с таким трудом. Если изменим судьбу Аманкиля – конец. План наш рухнет, и Ардос сгинет во мраке забвения.

Аарис понуро опустил голову, прорывав от отчаяния. Он не понимал, как это – видеть сотни вариантов будущего каждый день, мучиться от осознания собственного бессилия, выбирая верное направление. Его стихия Небо. Желание ощутить воздушные потоки под крыльями, вдохнуть холод, подпалить небеса жаром белого дыхания, почувствовать себя свободным, почувствовать себя Ветром.

Но нельзя. Пока что есть дела поважнее.

– Тебе пора идти, сэо, – тихим голосом оповестила Ладия. – Тебя скоро хватятся.

Аарис шутливо поклонился, отведя ногу назад и приложив руку к груди, а затем отправился восвояси.

– И брат, – опомнилась Вахди, метнувшись к Первенцу Иллахима, – будь осторожен с мальчиком. Береги свои мысли.

– Почему?

– Он может их слышать, – тревога звенела в голосе. Как только Аманкиль узнает в лже-Нониме великого Дракона, шанс будет упущен. – Если он начнёт видеть истинные сущности – нам всем придётся готовиться к худшему. Илсир узнает о нём, обязательно. Такое от неё не скроется.

Вахди утвердительно кивнул. Отныне стоит быть крайне осторожным. Ментальный блок теперь не поможет Дракону. Илсир не в состоянии видеть глазами Вахди, все они прячут от неё свои разумы. Но Аманкиль... Для него нет преград. Он сын Лирис и Дирияка. Его долго питала магия Атарра Наорэ.

Горные вершины окутал густой туман. Снежные шапки были едва видны сквозь клубящуюся завесу. Илсаян медленно заходил за горизонт, прощально тускнея.

Холодный ветер хлестал ветками раскидистой ролю по плотным стёклам комнаты. Симеок Алайиль не спал. Среброкожий мальчик опасался темноты, смотрел в потолок золотыми глазами, рассматривая пугающие тени. Они двигались, а воображение дополняло общую картину, открывая двери кошмарам. Спина сильно болела в области лопаток. Но это было меньшей проблемой, сейчас страх окутал полностью, колючим холодом обвивая ноги и обручем сдавливая шею.

Молодой Саим поднялся и свесил ноги с кровати. Он устало вздохнул, кинув настороженный взгляд на окно. Звёзды, яркими точками появляющиеся на темнеющем полотне неба, понемногу меркли, всё заволакивали низкие тяжёлые тучи. Надвигалась буря.

Крылья уже начали расти. Из-под рубахи виднелись два острых отростка на спине. Ткань топорщилась, на ней проступили капли голубой крови. Симеок отвёл руку назад и принялся чесать, шикая от боли. Костные наросты страшно зудели, не прекращал одолевать и озноб. По серебряному лицу стекали мелкие ручейки пота. Сколько не вытирал их юнец, они продолжали проявляться.

Внезапно отворившаяся дверь заставила юного арди подпрыгнуть. Внутри всё перевернулось и застыло тяжёлым комом. В спальню вошёл рыжеволосый мужчина в лёгкой кофте без рукавов, с подсвечником в руке. Отец. Взволнованно посмотрев на сына, он быстрым шагом подошёл нему и присел рядом на кровать.

– Не спится? – спросил негромко оин, поставив подсвечник на столик возле постели.

Вот уже третий день нын не встаёт с постели. С тех самых пор, как прошёл ритуал помазания и определилась судьба юного ардийца, не было покоя в семье Алайиль. Не помогали ни травы, ни примочки. Озноб мучил тело, зуд не отставал.

– Я не могу спать, когда природа злится, – жалобно прошептал молодой Саим. – Эти ветки... они пугают меня.

– Не поддавайся страху, – рудокоп обнял сына за плечи и притянул к себе, поглаживая заботливо по руке. – Как бы он не напал, как бы не кусал – не преклоняй перед ним колен. Потому что он не отступит. Стоит лишь потерять уверенность, как этот зверь вцепится в душу и погубит, придавит к земле, обвив руки и ноги ледяными щупальцами. Нужно бороться. До конца, до последнего вдоха. Иначе ты станешь рабом своего страха. Навсегда.

Симеок улыбнулся. Отец всегда говорил мудрые слова, которые, как бальзам, успокаивали и дарили надежду на будущее. Когда юнец слышал голос родного арди, то исчезали тревоги, меркли страхи, туманом клубившиеся рядом, ожидая момента для рывка. Оставалась лишь вера. Она мерцала слабой искрой, медленно разгораясь в душе, согревая своим теплом

и давая силы для борьбы с тьмой. И не так опасны эти ветки, а тени – всего лишь безликие образы, которые не причинят вреда.

– Хочешь, я расскажу одну историю? – спросил оин сына. Чтобы успокоить Симеока и открыть его разум для крепкого сна, мужчина решил, что пришло время для рассказов. – Давным-давно, на заре времён, когда не было Добра, не существовало Зла, явился в безжизненную и бескрайнюю пустошь Иллахим. Решил он мир создать редкой красоты, невиданной широты и наполнить его знанием своим и мудростью...

Юный арди слушал, не перебивая. Он прекрасно помнил легенду об Иллахите-Создателе, отец рассказывал её сотню раз. Но всегда эта история была особенной. Она воодушевляла, поселяла уверенность внутри, умиротворяла. Прижавшись к оину крепче и обняв, пареньёк внимал словам, что успокаивали и усыпляли.

Дремота быстро свалила Симеока. К концу легенды он уже крепко спал, положив голову на колени отцу. Сон окутал разум своим туманным саваном, формируя картинки и образы, которые складывались в видение.

Именно в этот момент с юным Саимом впервые заговорил таинственный голос. Книга Бытия ожила и уже выбрала себе хранителя...

Глава 7. Переворот

Закатное небо пылало алым костром, светило медленно опускалось за горизонт, в который раз прощаясь с красочным миром. Звёзды медленно устилали темнеющее полотно, сияли ярко, словно освещали путь для прекрасных лун. Они восходили на западе, поднимаясь вместе, словно влюблённые держались за руки и следовали к алтарю. Это зрелище никто и никогда не воспринимал всерьёз, просто красивое явление – движение спутников Ардоса по небосводу... Но сегодня всё изменилось.

Наступило время вечера. Но не ужинали арди всей семьёй за столом, не рассказывали истории о прошедшем дне, не укладывали спать детей под колыбельные песни. Сегодня почти вся Ардия покинула свои дома, держа в руках свечи. Одетые в церемониальные траурные одежды, шли они к берегам рек и озёр, опустив головы.

Торай видели и чувствовали скорбь народа, слепо верившего в праведность Илсир. Обманутые, преданные, оскорблённые – они опускали свечи в воду, ставя их на широкие листья лантала, и пускали по течению. Не пели птицы, не дул ветел, даже пламя боялось лишний раз шевельнуться.

Тишину развеял голос девушки, стоящей у самой кромки воды. Она запела, жалобно повторяя слова молитвы за невинно погибших. Второй голос зазвучал неподалёку, третий, четвёртый... Пение становилось громче, оно летело по обоим берегам рек, окружало озёра и пруды. Черед три часа волна отпевной молитвы прокатилась от Фривоса, края Гор, до Вириима, края Жизни, что славится бескрайними лесами Триатрона.

Вахди не вмешивались. Они молча стояли и наблюдали, как простой народ восхваляет заслуги Теней, как молится за их пребывание за Гранью... как проклинает Илсир и её саимов... Свершилось. Надоело ардийцам терпеть гнёт Высшей, не хотят они такого верховенства, не желают несправедливости. Отныне они жаждут мести за невинные души.

Илсир вышла на балкон дворца Вахтирай. Женщина, одетая в золотистое платье, с тонким поясом на талии, слушала, как летят в её адрес угрозы, проклятья и оскорбления, заключённые в песню. Воздух дрожал, сотрясаемый десятками тысяч голосов. Ярость вспылала внутри ярким костром, огонь растекался по венам, заставляя жёлтые татуировки сиять ярче Илсаяна. Женщина распустила белые крылья и, собрав все силы в плотный комок, оглушительно крикнула в темнеющую пустоту:

– Молчать!

Камень затрепал; металлические ворота площади Фенрит, которые ковала сама Керем Первородная, расплавились и осели мутной горячей жижей. Ударная волна от голоса Высшей взрывала землю, заставляла воду кипеть, а воздух нагреваться.

Неистовый крик прокатился по разумам Вахди. Не все смогли сдержать напор такой силы. Иес, Вахди Жизни, сгорбился от боли, сжав руками виски; эхо расплзлось внутри, рана острыми шипами. Кирот и Кироса, словно крепкие скалы, хранящие Фривос и Туарим, тоже не смогли выдержать подобного натиска.

Ноним стоял на берегу реки, держа за руку Аманкиля. Мальчик поправился, как только связь с его настоящей матерью была разорвана раз и навсегда. Юный арди теперь не страдал ознобом и слабость не валила его с ног, не сдавливала боль тело, не пыталась коснуться души Смерть. Силы начали возвращаться стремительно, прибавилось и жажды знаний.

Мужчина закрыл глаза и попытался подавить боль в голове. Отчаяние и неистовость заливали сознание, беря истоки у Илсир, которая думала, что ей хватит сил заткнуть непокорный народ. Пытаясь справиться с сильным врагом, Ноним перестал контролировать ментальный блок, что держался долгое время. Память вылилась наружу, словно всеистребляющий поток прорвался сквозь дамбу.

Маленькую ладошку Аманкиля зажгло, словно он сунул её в костёр. Мальчик одёрнул ручку. По пальцам прокатился слабый электрический разряд. Голоса и образы хлынули в неподготовленный разум, парализуя тело.

Вот он видит он горное плато и обрыв, спускающийся стеной в океан, волны которого с жадностью облизывают острые скалы. Земля стремительно приближается, и грохот раздаётся в ушах. Тень от громадного дракона ложится на траву, яркой зеленью покрывающую долину вблизи возвышенностей. Затем превращается в туман и рассеивается, застилая взор синими клубами.

Торай Небес подходит и, сложив руки ладонями вместе, с поклоном сообщает, что прибыла Ладия, Слеза Иллахима, и ожидает в храме Небес. Утробный рык вырывается из груди, и беспокойство разливается озером внутри, заставляя снова обволакивать себя дымкой. Один взмах кожистых крыльев, и земля остаётся внизу, открывая взору невиданной красоты небеса. Холодный воздух заполняет лёгкие, придавая сил.

Снова вниз. Сложив крылья, Дракон ныряет и устремляется к священной роще. Едва не касаясь деревьев, он расправляет две мощные перепонки и парит над лесом. Приземляется и моментально превращается в арди.

Аманкиля трясло от силы, которая перетекала в него. Он видел и слышал разговор с Ладией, её мольбы о помощи. Видел, как погиб настоящий Ноним и отправился за Грань. Наблюдал, как его сам Аарис Первородный берёт на руки, ещё не омытого, наспех завернутого в пелёнки, и уносит подальше... Наблюдал, с какой заботой в сердце и любовью заботились о нём названные родители, как берегли его от опасностей, защищали от злобы и корысти, учили смирению и праведности...

Мальчик упал на колени, начав задыхаться. Он сжимал на груди рубаху, словно она давила.

– Ами! – вскрикнул Ноним, рванувшись к мальцу. Он восстановил ментальный блок, но было поздно. Юный арди получил едва ли не смертельную дозу силы Стихии вместе с памятью. Но что ещё опаснее – Илсир узрела сияние души Аманкиля. Теперь она знает, что он наследник Теней. И она уже идёт за ним.

Взяв мальчика на руки, мужчина взглянул на звёздное небо. Лирис и Дирияк – так отныне прозвал народ Луны – светили ярко; словно два глаза, наблюдали они за происходящим. Арди пели всё громче, эхо разносилось по всему государству, отскакивая буквально от каждой стены.

Шум крыльев Саима слышался довольно чётко. Лже-Ноним побежал, стараясь увести за собой преследователей, чтобы они не навредили народу.

– Единством и Братством заключённые, славные Долгом, соединённые Судьбой! Я, Аарис Первородный, Дыханием Иллахима-Отца одарённый, крыльями Ветра награждённый, поставленный командовать Бурей-Матерью! Взываю к мудрости и праведности, к смелости и справедливости! Призываю всех Вахди встать со мной в один ряд и собрать силу Семи! – Прокричал что было сил мужчина, не останавливаясь. Он не знал, отбежал ли достаточно далеко от берега: отпевная молитва слышалась даже на таком расстоянии, словно её пели совсем рядом.

Крик оллори разорвал тишину. В своём истинном воплощении Илсир преследовала предателя. Лже-Ноним ускорился. Забежал в первый попавшийся дом и уложил Аманкиля на постель. Накладывать заклинание сокрытия не было больше смысла. Высшая знает, где находится сын Лирис и Дирияка. Она найдёт его и убьёт. Нужно дать ей отпор. Иначе – смерть. Самому прятаться тоже больше не было нужды. Замысел раскрыт. То, что Вахди Небес плетёт козни в другом краю, нельзя заставить забыть. Держать ответ придётся в любом случае.

– Посмотрим, кто кого, падшая, – прорычал Аарис, снимая морок. Он ему больше не понадобится. Заклинание испарилось и развеялось, оставив после себя лишь синие искры. – Если мои осай¹² со мной, то ты заплатишься, – добавил он грозно и вышел из дома.

Тут же мощные лапы сбили его с ног. От сильного удара Аарис отлетел на пару метров и рухнул на землю. Ярость ослепляла. Дымка курилась над головой, принуждая использовать её и обратиться в Дракона. Но рано. Пока не почувствовал он единых уз, пока не зазвенели они в душе, нельзя бросаться в бой. Против Хранительницы Семи нужна столь же древняя и равная по силе магия. В одиночку не одолеть такого врага.

– Как ты посмел?! – голос богини звенел ненавистью.

Аарис медленно поднимался на ноги. Удар был сильным, но не настолько, чтобы заставить Дракона пасть ниц. Мужчина чувствовал, что его соперница сдерживает порывы гнева, пытаясь не обратиться снова в боевое воплощение и не убить Первенца Иллахима.

– Ты зашла слишком далеко, – прохрипел Аарис. – Пора положить этому конец. Наш Отец никогда бы не посмел так поступить и не позволил бы нам.

– Я не Иллахим, Аарис, – прошипела женщина, подавшись вперёд. Глаза опасно блеснули, под ногами за клубилась золотистая дымка. – Вы поставили меня во главе, так следуйте же за мной! Или умрите, – добавила она ехидно.

Илсир гордо выпрямилась и надменно смотрела на Дракона. Она знала, что это опасный противник. В боевой ипостаси Вахди может использовать Дыхание Иллахима. Но... он не нападёт, потому что нет единства меж Стихиями. Давно.

– Ты сама проложила себе дорогу к мраку. Теперь всё кончено, – прорычал Аарис.

Призыв был услышан. Дышать стало легко и свободно, кровные узлы плелись подобно паутине, в груди образовывался щит, который расширялся, вытесняя страх и неуверенность.

– Ты прав. Это конец, – хищно улыбнулась Илсир и вскинула руку.

На ладони закружились искры. Кулак сжался и в нём начала собираться древняя сила. Прокричав заклинание, женщина метнула яркий сгусток в Вахди Небес. Энергия достигла цели. Сияющий горячий шар попал в плечо Дракону. Но тот лишь отступил на пару шагов, выдержав мощный удар.

Плечо и грудь женщины-саима опалило жаром пламени. Сознание на миг провалилось в пустоту, а после боль сковала тело раскалёнными цепями. Крик вырвался из груди, освобождая лёгкие от воздуха, позволяя невидимым тискам сжаться ещё крепче. Ноги подкосились, Илсир рухнула на колени, задыхаясь. В спину, между основаниями крыльев прилетел огненный сгусток, заставив перья и одежду плавиться. Керем решила окончательно ослабить богиню. Она первой прибыла на зов брата. Смутьянка от рождения, она не могла упустить возможности попробовать свои силы.

Понимание своих ошибок пришло в голову крылатой ардийки не сразу. Разум не желал проясняться до конца. Но спустя несколько мгновений, как только зрение могло фокусироваться на образах, женщина осознала, что не справится со взбунтовавшимися Вахди. Она прокрутила в памяти момент, когда метнула силой в Аариса. Глаза чётко видели: шар прилетел в плечо. Но откат силы в полной мере вернулся к владельцу и навредил.

Перейдя на магическое зрение, Илсир увидела едва заметную связь между подросшими Вахди. Они окружили её и сверлили порицающими взглядами, едва сдерживаясь, чтобы не напасть. Полупрозрачные тонкие нити окутывали дух каждой из Стихий, крепчая и становясь больше.

– Не пытайся встать, – понял намерения богини Аарис Первородный. Он подался вперёд, словно настаивая на том, чтобы Илсир продолжала стоять на коленях. – Иногда поражение –

¹² **Осай** (Ossoayi) – родственники. Родственниками у арди считались братья и сестры (сиэ и сэо) первого колена. Родители – отец, мать и их родители (бабушка и дедушка). Остальные – сородичи, по-ардийски – «тэм'ои».

это лишь урок, который нужно усвоить. Усвой, что никогда нельзя творить зло. Используй шанс и прекрати бесчинствовать и проливать кровь невинных. В следующий раз, когда ты захочешь кому-то навредить, чтобы показать свою мощь и вседозволенность, подумай, что ждёт тебя.

– Вы не убьёте меня, не сможете, – оскалилась поверженная, глядя исподлобья.

Ладия выступила вперёд.

– Нам и не придётся, – сказала она сухо. – Ты однажды заплатишься за свои поступки. –

А теперь убирайся! – крикнула она.

Илсир попыталась встать. Боль по-прежнему вгрызалась в плечо. Она не приняла во внимание слова Вахди. Они – ничто для неё. Жажда власти так ослепляла, что не было тёмного уголка, чтобы уместить благоразумие. Пользуясь благородством Стихий, женщина призвала верных саймов.

Стихиям пришлось расступиться, чтобы их не заделали осколки реальности. Открылось больше десятка порталов и из них начали выходить вооружённые крылатые воины. Все в доспехах, во взгляде сталь и холодный расчёт.

«Без боя она не сдастся», – мысленно утвердила Ладия.

«Я и не надеялся на её смирение, – усмехнулся Аарис. – *Защищайте арди!*» – ментально приказал он и распротёр руки. Синяя дымка окутала мужчину, заворачиваясь в воронку.

– Сейчас ты узнаешь, что такое гнев Небес... – Голос Вахди смешался со звериным рыком. Из тумана, оглушительно взревев, вылетел Дракон.

Кироса проводила брата взглядом. Она всегда восхищалась стойкостью и смелостью Первенца Иллахима. Он никогда не отступал. Всегда ратовал за справедливость. Аарис взял на себя богиню, бросил ей вызов. За остальными оставалось малое – защитить народ, что боится и гневается одновременно. Илсир предала их, сделала рабами своей воли. Нельзя допустить, чтобы отреклись арди и от Стихий, раз и навсегда предав забвению.

Военное искусство – первое, чему учатся ардийцы с малых лет. Девушки или парни – все умеют владеть мечом. Каждый в меру своих сил обладает этим знанием. Но вот кто поистине внушает страх, так это байсары. Непокорные свирепые воины Киросы, которые могут противостоять малым числом огромному войску.

– Э бойсор! Ахитар ками! «*Байсары! К бою!*» – крикнула Длань Иллахима.

Позади открылся портал. Из него ровным строем вышло чуть больше десятка воинов, облачённых в лёгкие доспехи. В руках парные мечи с волнообразным обоюдоострым лезвием – маяны. На груди – четыре полосы, следы от звериных когтей.

– Ордиок али то Сакхэм! «*Убейте Саймов!*» – снова приказ, после которого началась бойня. Не было никаких сомнений: вместе Вахди поставят на место алчную и свирепую богиню. Сила Семи имеет великую власть над миром. Единство и братство, что заключены в этой магии, ведут своё начала от единого существа Создателя, а потому отныне нельзя уничтожить целое, не уничтожив половины.

Но взоры праведных и мудрых Стихий перестали смотреть в грядущее... А в это время, на краю мира набиралось сил Великое Зло, угрожая окутать Ардос чёрным туманом с манящими красными проблесками...

Глава 8. Сила Семи

Ардос погряз в войне. Кровь проливалась реками на землю, впитываясь подобно воде. Мрак распространился по миру, захватывая чистые души. Всё началось с восстания народа, которому надоело терпеть лишения и ложь. Правда прорвалась наружу и окрасила мечи в синий.

В пылу борьбы за свободу арди Стихии не заметили, как изменился мир. Зло ожило и приступило к действиям. Молодой саим Симеок Алайиль впервые почувствовал силу книги Бытия. Мощь древнего знания поражала и придавала уверенности в себе. Но то лишь обман. Иллюзия всемогущества являлась приманкой, капкан же оставался невидим до тех пор, пока не становилось слишком поздно.

Юный арди осознал, что случилось, но голос проник так глубоко, что слился с разумом. Невозможно было отличить свои мысли от шёпота Атаран Турвад, которая не прекращала попыток поставить свою жертву на колени.

В итоге Симеок пал ниц. Глаза из потрясающе красивых, фиолетовых, словно драгоценный элимант, превратились в чёрные с красными прожилками, а крылья стали иссиня-чёрными, с алым металлическим отливом. Жажда власти и признания затмила остатки разума окончательно. Здравый смысл испарился, словно его и не было. Душа сгнила, от неё остался лишь иссушенный комок, что тлел подобно остывающим углям. Её место занимала магия, что перелилась из книги.

Нарушив законы мироздания, Симеок начал создавать армию. Он желал подчинить себе этот мир. Отправился в дальний край, что носил название Эрим, место, где жили молящиеся арди и те, кто отказался от своего призвания, приняв решение прожить жизнь в вере и смиренности. Симеок читал заклинания одно за другим, создавая из сгустков мрака новых и опасных существ. Первыми ступили на праведную землю данады – волкоподобные существа с лоснящейся шерстью, горбатым загривком и опасными челюстями с ядовитой слюной. Их красные глаза сияли в полутьме, распространяя страх вокруг. Следующими стали шиат. Они разгоняли воздух своими крыльями, а уродливость тел лишь усиливала тот ужас, который они несли. Полудраконы-полудемоны с перепончатыми крыльями и ядом в зубах, что способен уничтожить всё, чего коснётся.

Монстры убивали и пожирали ардийцев, наслаждаясь сладостью крови и крепостью жил своих жертв. Немногим удалось сбежать, но лишь некоторые смогли добраться до безопасного места. Междоусобица разрывала мир на части, а новая угроза только подогрела вражду.

Симеок торжествовал. Он быстро заполучил край, полный ярких красок, себе во владения. Презирая отныне все светлое и хорошее, Тёмный преобразовал земли, распространил чёрный туман. Некогда цветущие поля превратились в пустоши с барханами из серого песка, чистые озёра – в топи, наполненные бурлящей жижей. А в центре этого кошмара красовался Юрин – замок Тьмы: здание, возведённое при помощи древней магии из костей и камня.

Но и этого саиму было мало. Он прочёл книгу до конца и разрушил те грани, что отделяли запретное знание от этого мира толстыми стенами. Мужчина создал бринатов – воинов тьмы. Внешне похожие на арди, они всё же отличались чёрными глазами, серо-жёлтой кожей и когтистыми пальцами на руках. Тело не было испещрено татуировками. Они не имели языка, могли лишь понимать приказы, исходящие от тех, кто ими повелевает при помощи Книги. С этих пор в наскучившем пустом краю закипела работа: Симеоку было мало одной земли, он решил заполучить их все и поселиться в Вахтирай – дворце Семи Стихий.

Обман – великое оружие в умелых руках, но очень часто этот зверь восстаёт против своего хозяина, впивается в глотку и душит, пока жертва не встанет на колени и не примирится с обстоятельствами. Любая тайна откроется, как бы её сильно не запечатывали, как бы надёжно не прятали. «Нет большей беды, чем та, что скрывается под завесой тайны. Такое горе всегда ходит в паре с ложью», – так говорят арди.

Стихии не могли справиться с армией Симеока. Они были едины, но Свет, который нужен для победы над Тьмой, находился в руках Илсир. А она не желала помогать. Находясь под надёжной защитой своих Саимов, она ждала, пока война разорвёт мир на части, думала, что на руинах старого сможет построить новое и подвластное ей царство.

Но не она одна готовила тайный план. Вахди тоже не сидели на месте. Они пусть и не могли победить Симеока, но надеялись, что избавят мир от Падшей.

– Осторожно! – крикнул Аманкиль, выставив ярко-алое крыло как щит, чтобы ядовитые стрелы не смогли ранить Аариса.

Мальчик возмужал за те годичные циклы, что бушевала война и пожирала светлые души, шествуя по земле. Он прошёл ритуал Йанри в том, что не так давно называлось Храмом Воды. Крылья выросли быстро. Они стали красными, как у боевого саима. Путь воина, предназначенный ему задолго до рождения, открылся, как только нужда заставила воевать. Сторону выбирать не пришлось: обида за обман крепла, но преклонять колени перед Злом парень не собирался.

– Благодарю, Ами, – сказал коротко Аарис, уклоняясь от очередного удара чёрным клинком.

В руках Вахди Небес держал прямые недлинные мечи, залитые тёмной кровью. Пальцы частично покрылись чешуёй, но менять ипостась мужчина не собирался. Нужно беречь силы. На подходе целая стая данадов. В голове уже звенело эхо волчьего воя. Твари приближались со стороны Халрима – так нынче называют земли, ранее бывшие пристанищем для праведников. Всё зло реками лилось оттуда, убивая жизнь.

Светило уже несколько осемий не вставало из-за горизонта. Единный Свет Иллахима, которым владела Илсир, не помощник в войне.

Воздух разорвал крик Феникса, летящего по небосводу. Яркая вспышка раскаляла облака, испаряя их. Огненная птица стала снижаться и, когда достигла земли, раскрыла пылающие крылья. Набрал скорость, она полетела почти над самой травой, высохшей от отсутствия света. Пламя распространяло жар, убивая тёмных существ. Яркие горячие языки облизывали тела убитых, оставляя от них только расплавленные кости и доспехи.

«Долго же ты собиралась, сие», – ухмыльнулся ментально Аарис, кинув взгляд на раскалённые небеса.

«Не стоит меня корить за медлительность, – раздался ответ в голове. – Тут работы не так много. Можно справиться и одному. Или твои кости не так крепки, а сила не так велика? А, братец?»

«Не хочу тратить силу зря. Это только начало», – оповестил Вахди, осматривая опалённое поле.

– Они близко, – сказал Аманкиль, вытирая о штаны лезвия обоюдоострых мечей с длинной рукоятью, сделанной в виде крылатого оллори.

Парню пришлось научиться сражаться. Без этого навыка на Ардосе не выжить. Аарис, как самый сильный из всех, учил юного арди обращаться с мечом. Каждое действие отрабатывалось на практике.словно кот, играющийся с беззащитной мышью, тренировался молодой саим на пленных бринатах, которых приводил Дракон в качестве жертв. Суровые времена требуют столь же суровых мер.

Поначалу Ами не хотел брать в руки оружие. Он противился убийству. Но пришлось. Когда в тайную обитель прорвались слуги мрака и убили Иромею, что собой закрывала юнца,

не страшась ужасной участи, парень решил, что настало время мести и неистовства. Любовь, извращённая потерей и сожалением, с добавлением обиды и отчаяния, повела вперёд.

Керем превратилась в ардийку, встав рядом с братом и названным племянником. Она сильно ослабла. Без поддержки Илсир трудно совладать с ипостасью. Завязав свои воплощения на силе, что исходила от Высшей, Стихии обрекли себя на рабство.

– Долго мы не протянем, – констатировала женщина. – Я слаба, остальные Вахди сдерживают тварей к северу отсюда. А их становится всё больше.

– Я ещё не использовал трансформацию, – сказал с надеждой Дракон.

– Нет, оин, даже не думай об этом! – осадил Аманкиль. Он впервые за четырнадцать циклов назвал Аариса отцом. Хоть его родителями и являлись Лирис и Дирияк, но знаниями и опытом он обязан Вахди. – А если ты не удержишь дымку? Нет, не смей.

– Придётся, Ами. Иначе нам не справиться с Мраком. Если получится освободить свою силу от связи с Высшей, то мы сможем осуществить наш план.

– А если нет? – голос Керем дрогнул. Глаза на миг потеряли огненную яркость, волосы поблекли. Страх вырывался наружу. – Что будет с нами, если Первенца Иллахима не станет?

– Я постараюсь вернуться, сиэ.

Аарис сказал это с таким теплом, с такой нежностью, что Вахди Пламени не выдержала и, расплакавшись, кинулась на шею брату. Мысленно она прощалась с ним... и со своей жизнью. Ведь если Дракон умрёт, то все Вахди станут смертными и погибнут от ран.

– Мы совершили ошибку, и теперь ты за неё платишь. Это несправедливо, – сквозь слезы прошептала Вахди Пламени. – Мы должны все вместе нести это бремя, брат.

– Если у меня всё получится, – проговорил мужчина, – ты почувствуешь, как крепнет сила. Все почувствуют. Дымка подчинится, и мы сможем покончить с Илсир, претворив в жизнь задуманное.

– Только бы ты был прав... – с толикой неверия сказала Керем.

Дракон вырвался из крепких и опаляющих объятий сестры и, кинув прощальный взгляд на Аманкиля, который стоял, изо всех сил сдерживая слёзы. Распростёр руки. Синий туман, слабо сверкающий белыми молниями, окутал Дракона и стал увеличиваться в размерах. С оглушительным рёвом крылатый ящер вылетел из дымки и взмыл в небо.

Силы быстро утекали, как мелкий песок сквозь пальцы. Контроль терялся стремительно, в голове зашумело, а перед глазами всё помутнело. Но Вахди не желал сдаваться. Он силился разорвать узы, что держат его на цепи, как одомашненную ящерицу.

Память, копившаяся долгие отлики, пролетала перед глазами, показывая одно событие за другим. Смерть близко. Дымка перестаёт подчиняться. Наверняка Илсир видит попытки прорваться. Она любой ценой захочет поставить непокорную Стихию на колени, дабы продолжить пользоваться Силой Семи. Она сделает всё, что угодно. Воспоминания продолжали проплывать в обратном порядке. Они ускорялись, превращаясь в бесконечный поток, пока не осталось только одно... самое первое.

За немыслимое количество лет Иллахим превратился в безликую сущность, но дорогие сердцу, такие родные черты начинали угадываться в лице. Аарис не видел своего рождения, не знал, как именно появился на свет, но одиночество, заполнявшее душу, напомнило, что он не имел родных, только отца. Их двоих окружала бестелесная пустота и тьма, которая, боясь Света, обходила рассеянные по Вселенной осколки умершего мира.

Ощущение, рвущее душу на части, передалось и Создателю. Слеза потекла по щеке и упала в пустоту, заполнив её собой. И тут же явилась Вода.

Аарис вспоминал такие странные, но приятные ощущения внутри, когда впервые узрел сестру. Его сущность заколыхалась, едва не рассеялась, но немного сосредоточившись, удалось сохранить целостность. Появилось желание подступить поближе и рассмотреть, прикоснуться.

Первые чувства, эмоции, первые желания и потребности – всё это Аарис ощутил первым. И силу Иллахима, часть своего отца, он принял тоже первым. Он Первенец... Владелец дыхания Создателя. Дыхания, которое рвалось из груди, из души... изнутри.

Сердце пропустило удар, звон разорвавшихся пут резанул по слуху. Скорость стала выше, глаза наполнились ярким зелёным светом, синяя чешуя покрылась белыми молниями. Воздух наэлектризовался и посвежел, давая сил для новых взмахов и предстоящего Древнего Зова.

«Я Первенец Иллахима. Я его дыхание, его дух. Я – искра, от которой разгорается Свет. Я – Дракон... Никто не властен надо мной. Ибо я есть Начало».

Рёв Аариса заставил небеса содрогнуться, от чешуйчатого тела отделилось несколько ударных волн, разгоняя тёмный туман. Один взмах крыльев – и высота стала больше, холодные потоки только придавали силы, увеличивая разряды. На длинной шее появилось несколько синеватых колец. Дыхание копилось в груди, прорываясь наружу.

«Силу свирепую, мощь первозданную, бурю великую, бурю ардийскую – Бурю-Мать зову... – Аарис начал выстраивать в голове слова Древнего Зова. – Явись птицей сизую, стань зверю подобной, разрастись по небу и внемли приказам Первенца Иллахима. Наполнись моим дыханием, вбери в себя воды чистые, пламя яркое, впитай силу длани Его, неистовость и мудрость Его прими и обрушья на Зло смертельной волной. Явись же на мой ЗОВ!»

Дракон раскрыл пасть и выдохнул. Гул разнёсся по небу и следом вырвалось Дыхание Иллахима – пульсирующий столб белого пламени, плавающий воздух. Великая Буря повиновалась призыву, и из пустоты начала образовываться синяя облачная воронка. Пришло время стереть всё убогое с этой земли и посеять семена надежды.

Крик Феникса оповестил о прибытии помощи. Вахди Огня сияла так ярко, словно она сама была пламенем, состояла из него. Тяжёлые взмахи едва держали в небесах. Из-за горизонта, устало, словно из последних сил, разгоняя лучами нахлынувшую тьму, поднимался Илсаян. Керем чувствовала братские узы. Они полностью окрепли, стали независимыми. Безграничная сила вернулась.

Буря росла, наполняясь дыханием, непрерывно сверкали молнии. Свет небесного светила заполнял собой низкие клубящиеся тучи, а вскоре яркое пламя начало впитываться в синий туман. Когда Буря-мать разрослась по всему небосводу от края до края, то своей силой её наполнили остальные Вахди. Сметающие всё на своём пути воронки опускались на иссохшую мёртвую землю и поднимали целые пласты, взрывая поверхность электрическими разрядами.

Настало время битвы, настало время Света.

Илсир стояла на балконе дворца Вахтирай. Она магическим зрением наблюдала за тем, как изо всех сил Вахди пытаются сдержать тварей, созданных Симеоком. Женщина не помогала, она лишь надменно взирала на Стихий, отчаявшихся и ослабевших.

Саимы сосредоточились вокруг дворца и были готовы в любой момент отразить атаку, защитить свою госпожу. Их тысячи тысяч, и все, как один, распустили угрожающе алые крылья, в сильных руках держали оружие, острое и разящее.

Богиня оглядела довольным взглядом свою армию. Она улыбнулась. В голове мелькнула мысль о надёжной защите. Но неожиданно пол ушёл из-под ног, а в глазах потемнело. Ленты магии лопались, затрагивая душу.

Крик боли вырвался из груди, тело изогнулось, пытаясь воспротивиться попытке, что мучила беспрестанно. Илсир надеялась на свою силу, вверенную Стихиями, но не думала, что они смогут обойтись без неё.

Обман, которым она жила и который использовала, больно укусил своего владельца. Киамаль, убившая свою семью ради проверки собственного могущества и ставшая наречён-

ной реинкарнацией Создателя, теперь осталась одна. Сила не исчезла, но пользоваться ею она теперь не могла.

Казалось, что надежда на былое величие и долгое правление угасла, но Судьба внесла коррективы, не позволив Великой реке течь спокойно...

Глава 9. Союзники

Действие. Любая манипуляция имеет последствия. Так было, есть и будет всегда. С начала времён, когда из ничего появилось нечто, каждое действие имело свой результат. Ничто не оставалось без внимания Великой Судьбы, её стражи вечно хранят баланс этой Вселенной. Ведь стоит раскачаться весам мироздания, как чаши тут же начнут выплёскивать драгоценные воды в никуда.

Илсир всегда желала власти. Быть всесильной для неё – значит, быть живой. Не мыслила Высшая своего существования без великой силы. Ради этого она убила собственную семью. Можно ли быть настолько алчной, настолько поражённой семенем ярости и растить в своей душе древо неистовства, чтобы отправить три невинные души отбывать положенные годы за Гранью, позволив им прожить отведённые годы? Можно, и Илсир это доказала. Она сделала всё, чтобы Вахди продолжали делиться энергией, заключённой в единстве и братстве, с убийцей.

Но всему приходит конец. Перемены грядут, ждём мы их или нет, они настанут, как день или ночь, рассвет или полдень, зима или лето. Время, отмерянное для алчной Киамаль, подходило к концу. Лишённая силы и доступа к знаниям, униженная и поверженная, она это понимала, как никто другой.

Нити магии сохли и начинали сыпаться, словно песок сквозь тонкие пальцы. Утекала и жизнь. Вечность, что была уготована Хранительнице Семи, сокращалась стремительно. Ощущение трансформации было явным и бесповоротным. Илсир превращалась в смертную.

Беспомощность липкими руками обнимала душу Падшей и сжимала, не оставляя времени на раздумья, она давила всё сильнее, заставляя падать ниц и преклоняться перед скользким, словно червь, гонцом смерти.

Многие саимы переметнулись. Переворот затронул и их. Крылатым арди, всем до единого – молодым и бывалым – пришлось делать выбор: встать на сторону правды и пойти по дороге борьбы за право Света существовать, или же оставаться там, где они есть, исполняя приказ не двигаться с места, охранять Илсир Наречённую и отдать за неё жизнь, если возникнет такая необходимость.

Души многих арди прошли испытание этим выбором. Ошибки – не то, что нужно в минуты отчаяния. Решение должно идти от сердца и разума одновременно, иначе можно ступить на опасную дорожку, которая, извиваясь в тумане будущего, приведёт путника к пропасти. Не все выдержали эту пытку. Некоторые, не в силах смириться с судьбой, кончали жизнь самоубийством, позорно сдавшись на волю костлявой сборщицы кровавой дани. Оно и понятно – слабый духом умирает дважды: первый раз, ступив в капкан неверного решения, второй раз – раздавленный собственным бессилием и отчаянием от осознания безысходности.

Но Киамаль, даже оставшись с меньшим войском, которое едва сдерживало нападки Мрака у развороченных ворот дворца, не желала сдаваться так легко. Её воля посильнее, чем у многих. Она так долго шла к этому, что не могла позволить всему исчезнуть по щелчку пальцев. Решение вступить в борьбу было осознанным и оттого трудным: предстояло сражаться плечом к плечу с Вахди и народом. Презренная обоими, Илсир всё же набралась смелости и вышла из дворца.

Кругом мрачная серость и запах смерти. Кровавый туман уже не рассеивался. Он стоял призрачной стеной, окружая замок Семи дымчатым кольцом. На горизонте, в рассветных сумерках вспыхнула яркая искра. Полночная Дейри – так называли иногда Керем в образе Феникса – тянула за собой светило, лениво протягивающее лучи к меняющему краски небу. Раз за разом, используя все свои силы, Вахни Огня поднимала Илсаян из-за горизонта.

Это хоть и ненадолго, но помогало. Нежить отступала, давая возможность передохнуть, перегруппироваться и подготовиться к новой атаке кровожадных тварей.

«Симеок слабеет, – заключила Высшая, глядя, как окрашивается в бирюзовый цвет небо, смывая с себя мрачные краски ночи. – Он уже не в силах повелевать этим миром как прежде».

Используя остатки магии когда-то подаренной Стихиями, Илсир обратилась крылатым оллори. Она решила извлечь выгоду из ситуации, какой бы ужасной она не была, и помочь совладать с Тёмным колдуном.

Родные небеса! Воздух не так свеж, как прежде, а потоки не так легки, кругом летают в поисках наживы твари, ужаснее которых нет и не было на свете. Но это близкое и милое сердцу небо, простор, дом, у которого нет стен и нет края.

«Керем, услышь меня!» – взмолилась Хранительница Семи, сосредоточившись на приближающейся огненной птице.

В ответ тишина. Только ветер шумит в прикрытых плотными перьями ушных раковинах. Либо Вахди не услышала зова, либо просто не желает отвечать на него.

«Ну же, Сердце Иллахима, сияющее пламенной любовью Отца своего и даящее её всем, кто попросит! Откликнись на мою мольбу! Прошу!» – снова обратилась оллори к фениксу.

«Чего тебе нужно, кхэrrэ?!» – Ответ был таким громким, что Высшая едва не потеряла равновесие и не рухнула на землю.

«Я могу помочь! У меня ещё осталась магия, я могу заставить Илсаян сиять целый день, как и полагается ему. Времени спланировать убийство Симеока у нас будет больше, нужно попытаться! Раздели со мной это бремя!» – предложила Илсир.

«С какой стати мне верить тебе, кхэrrэ?!» – оскорбительным тоном спросила Керем, продолжая тянуть невидимую упряжь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.